

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

УБИЙЦА С ТОГО СВЕТА

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов
Убийца с того света

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Убийца с того света / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2022 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-167328-4

На окраине Пскова найдены тела двух зверски замученных подростков. Начальник оперативного отдела Павел Зверев узнал почерк преступника: один из убитых ребят насильно опоен спиртом, смертельные удары нанесены левшой. Именно так во время войны пытал пленных немцев один из сослуживцев Зверева, но Павел лично расстрелял его за мародерство... Сыщики выходят на свидетеля, который утверждает, что убитые подростки оказались замешанными в серьезной финансовой махинации бандитского подполья. По приметам один из его главарей очень похож на расстрелянного когда-то мародера... Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории — в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

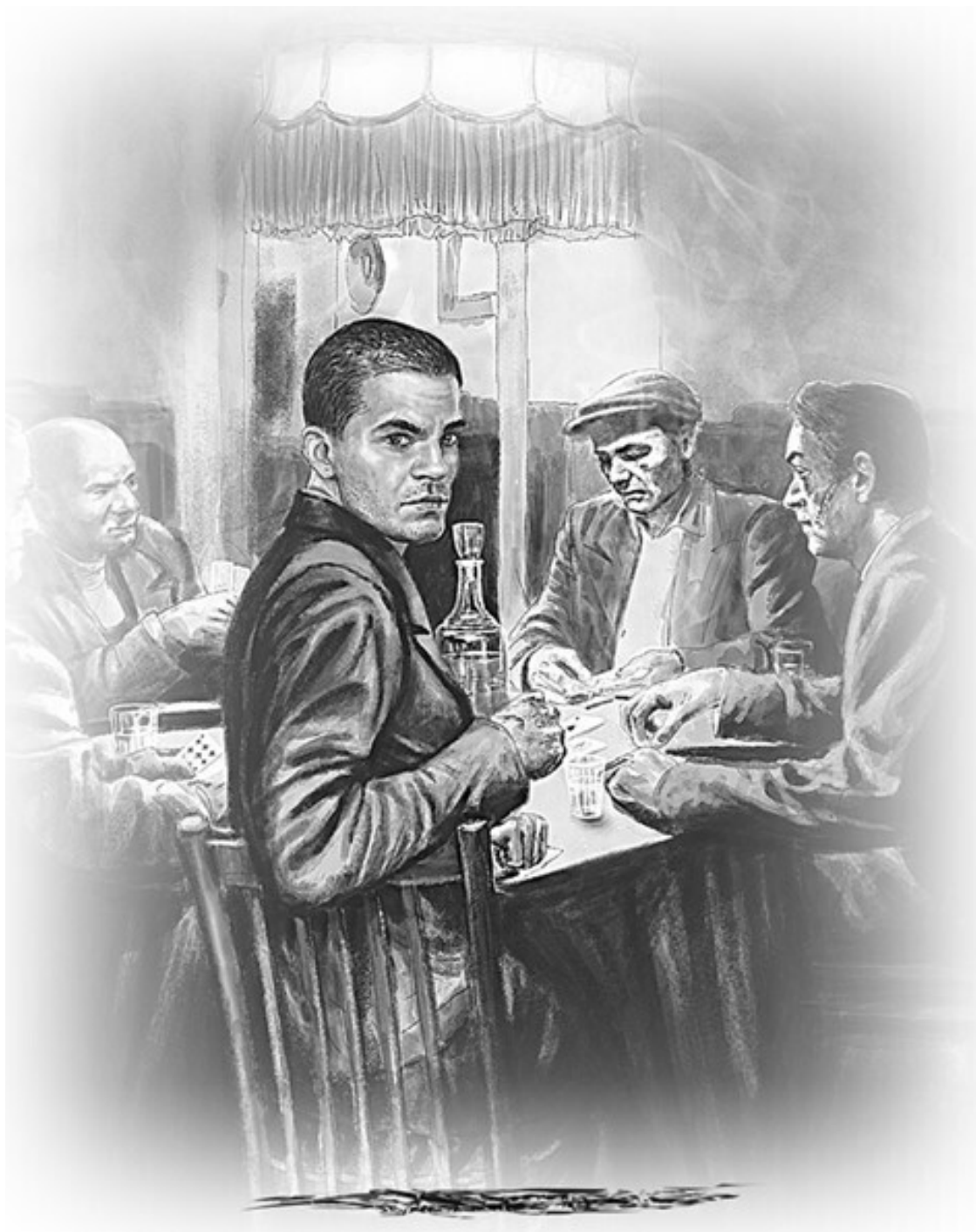
ISBN 978-5-04-167328-4

© Шарапов В. Г., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Часть 1	11
Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	24
Часть 2	32
Глава первая	32
Глава вторая	35
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Георгиевич Шарапов Убийца с того света

© Шарапов В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Новые туфли причиняли ужасную боль, однако Валька не шел, а почти бежал. Бежал – как только мог, так как прекрасно понимал, что, если опоздает, Хруст придет в ярость и уже больше никогда не возьмет его на «большое» дело. Чтобы хоть как-то отвлечься, Валька похлопал себя по бедру и нащупал лежавший в кармане увесистый кастет. Главное – успеть, и тогда, возможно, именно сегодня он опробует эту «игрушку» в деле. Прихрамывая, он свернул на Бастионную и тут же увидел, что навстречу ему шагает миловидная светловолосая девушка

в сиреновом сарафане и туфлях-лодочках. Примерно его возраста, длинные реснички и тонкая талия – оценив стройную фигурку и симпатичное личико незнакомки, Валька улыбнулся, но тут же скривил губы, вспомнив о недавней ссоре с Динкой.

С Диной Алексеевой, миленькой худышкой из параллельного класса, они сдружились еще в начальной школе. Поначалу они просто играли в «чижика» и в «жмурки», но со временем детская дружба переросла в нечто больше, хотя дальше робких поцелуев в щеку дело у них не заходило. Валька ни на чем и не настаивал, прекрасно зная, что в вопросах морали Динка непреклонна. Тем не менее парня тяготило, что многие его сверстники, уже всю хваставшие своими любовными похождениями, постоянно подшучивают над Валькой, заверяя, что ему стоит быть посмелее. Валька не считал себя трусом, однако никуда не спешил еще и потому, что в последнее время их отношения с Диной испортились, и причиной тому стал его дружок по прозвищу Хруст.

Толик Хрусталеv, он же Хруст, был рослым поджарым парнем с квадратным лицом и хищным прищуром глаз. Толик был на два года старше Вальки, но последние два года они учились в одном классе, так как Толик за время учебы в школе уже успел дважды остаться на второй год. Как только Хруст пришел в класс, он тут же завоевал авторитет у большей части ребят.

Хруст был самой отпетой шпаной. Он без раздумья ввязывался в драки, подшучивал над учителями и с завидной щедростью угощал одноклассников сладостями и папиросами. У Хруста водились деньги, которые он, вне всякого сомнения, зарабатывал не самым честным способом. Многие девчонки из их класса прямо-таки сохли по хамоватому новичку. Хрусту это нравилось, хотя со своими часто меняющимися подружками он особо не церемонился. Несмотря на скверную репутацию Хруста, даже отличницы писали ему записочки, строили глазки и вздыхали по ночам. Одним словом, после появления в классе Хруста им «заболели» все. Все, но только не Динка Алексеева.

После того как Валька сдружился с Хрустом, Динка поначалу просто не обращала на их дружбу внимания, но неделю назад многое изменилось.

В тот день Хруст, сбежавший с урока, как это часто бывало, забрел на школьный стадион, где в это время занимались ученики из параллельного класса. Шутки ради Хруст подобрал кусок земли и бросил его вверх с криком «на кого бог пошлет». Ком угодил Динке прямо в голову, и многих это рассмешило. Динка убежала со стадиона и потом долго редела в раздевалке, а после уроков подошла к Вальке, рассказала о случившемся и категорично заявила: «Если ты не перестанешь бегать за этим рехнувшимся блатарем как собачонка, я даже смотреть в твою сторону не буду!»

Когда Валька рассказал своему однокласснику Ваньке Хлебникову о ссоре с Динкой, тот поднял его на смех: «Ты о чем ведешь речь? Далась тебе эта недотрога! Да знаешь, сколько у тебя будет таких, как она? В особенности после того, как мы обзаведемся деньжатами, – Ванька пригнулся и сказал совсем тихо: – Хруст задумал большое дело! Так что не дрейфь, Валек! Когда мы разживемся монетой, ты забудешь свою капризную кралю раз и навсегда».

Ванька Хлебников, он же Мякиш, грузный остроносый крепыш с пухлыми губами и узенькими пороссячьими глазками, завел дружбу с Хрустом задолго до Вальки – еще до появления Толика в их классе. Он считался правой рукой Хруста, чем без сомнения очень гордился. Вечером после разговора с Мякишем Валька лег спать, но всю ночь не сомкнул глаз. До самого утра он думал, как ему поступить, и в итоге все же принял решение. Ну и черт с ней, с этой Динкой! Он не тот, кому эта пигалица будет ставить условия! Если не перебесится и не извинится, пусть проваливает на все четыре стороны.

Какое-то время не думать о Динке у него получалось, но сегодня, шагая вдоль серых невзрачных стáлинок по Бастионной и торопясь на встречу с приятелями, Валька снова засомневался в правильности принятого решения. Холодными влажными пальцами он с силой

сжал кастет и ткнул им себя по бедру. Чтобы выбросить из головы Динку, Валька принялся вспоминать прошлое.

Это случилось еще до того, как Валька скорешился с Хрустом, примерно через пару месяцев после того, как Толик пришел в их класс. Как-то вечером, возвращаясь от приятеля, Валька столкнулся в Ботаническом саду с тремя неряшливо одетыми парнями. Все трое были явно старше Вальки и не внушали доверия. Незнакомцы сидели в окруженной кустами беседке, курили папиросы и распивали «Агдам». Увидев Вальку, один из ребят тут же выскочил из беседки и преградил дорогу.

– Кто такой? – поинтересовался парень, дыша свежим перегаром.

Это был невысокий – на полголовы ниже Вальки – парень в расстегнутой до пупа рубашке и в тренировочных штанах с вытянутыми коленками. Правое веко у незнакомца было приопущено, большое родимое пятно на левой щеке напоминало здоровенного паука.

– Что значит кто? – спросил Валька. – Меня Валентином зовут.

– Валюха, значит! Была у меня одна Валюха, классная деваха – буфера как футбольные мячи, и такая безотказная! – коротышка мечтательно закрыл глаза и развел руками, его приятели заржали. Валька стиснул зубы. В это время к ним подошел второй незнакомец, бритоголовый и худой.

– Откуда такой? – сирым голосом поинтересовался бритоголовый.

– Я на Металлистов живу!

– То есть не местный! А здесь чего забыл?

– Домой иду от друга!

– Как зовут друга? – оживился коротышка.

Валька замешкался:

– Егор!

– Какой Егор... Кочетков из тринадцатого дома?

– Зайцев! Он на Некрасова, семь, живет, во втором подъезде, – уточнил Валька. – Мы раньше в одной школе учились, а потом Егор в эти места переехал и в другую школу перевелся.

– Егор Зайцев, что-то я такого не припоминаю! – заявил коротышка.

– Я его знаю, – выйдя из беседки, заявил третий незнакомец, длинный как жердь парень и с горбинкой на носу. – Косой у него кликуха – слюняй и маменькин сынок!

Длинный допил из горлышка остатки вина и, швырнув опустевшую бутылку в траву, устроился возле близлежащего деревца помочиться.

– Если дружок у него слюняй, значит, и этот наверняка такой же! – тут же заявил коротышка и ткнул Вальку кулаком в живот.

Валька попятился и прижал руки к груди.

– Оставь его, Санек, – обращаясь к коротышке, заявил длинный, застегивая ширинку. – Пусть топает, чего с него взять?

– А это мы сейчас посмотрим! Есть чего с него взять или нет! – коротышка подался вперед. – Деньги есть?

Валька утер лоб рукавом.

– Нет у меня денег!

– Карманы выверни! – не унимался коротышка.

Валька огляделся по сторонам. Поблизости не было ни души. Валька достал из карманов расческу и носовой платок, после этого вывернул карманы.

– Гляньте-ка, что у него тут: платочки, гребешки... я же говорю, что чем-то он мне мою Валюху напоминает, жаль только сйсек у него нет! А ну дай сюда! – коротышка выхватил из рук Вальки расческу, несколько раз провел ею по своим сальным волосам.

– Санек, а ты ему уже нравишься! – хмыкнул бритоголовый. – Он, похоже, уже от возбуждения дрожит.

Вальку всего трясло.

– Да ладно, не дрейфь, – причесавшись, коротышка бросил расческу в траву. – Говорю же, я сисястых люблю.

Валька нагнулся и поднял брошенную расческу. В этот момент рукав рубашки натянулся, и на глаза коротышке попались Валькины часы марки «Заря». Коротышка тут же подскочил и засунул указательный палец за ремешок.

– А ну покéшь! Зы́рьте, пацаны, какие у него котлы́ клевые! – парень потянул руку Вальки на себя. – Чего вылупился, чурба́н фуфлоголо́вый, сымай. Поносил? Дай другим поносить!

Валька побагровел. Отдавать этим ублюдкам часы, подаренные старшим братом Игорем, он никак не собирался. Валька толкнул коротышку в грудь, но тот буквально повис на нем. Ремешок лопнул, и часы упали на асфальт.

– Не хочешь отдавать, тогда на!!! – коротышка хотел раздавить часы каблуком, но не успел, Валька вцепился в хулигана мертвой хваткой, и они повалились на землю.

Когда после драки, с разбитым носом, весь в синяках, Валька явился домой, мать залилась слезами. Немного успокоившись, она позвонила участковому, и тот не поленился и в тот же вечер явился к ним домой. Однако, когда Валька принялся упрямо твердить, что просто упал, участковый лишь развел руками и спустя некоторое время убрался восвояси.

На следующее утро Валька пришел в школу. Тут уже с расспросами к нему пристали одноклассники и учителя. Валька продолжал упрямо твердить, что никто на него не нападал. Время шло, Валька мечтал поскорее уйти домой, но тут к нему подошел Мякиш и сказал, что его вызывают на серьезный разговор.

После уроков они вышли с территории школы и направились в близлежащий сквер. Валька немало удивился, увидев, что на лавочке их ожидает не кто иной, как сам Толик Хрусталев.

В распахнутой на груди рубашке и заломленной на затылок кепке, Хруст сидел, откинувшись назад, и крутил в пальцах узенькие эбонитовые четки.

– Рассказывай! – сурово потребовал Мякиш.

Валька надул щеки и снова попытался избежать расспросов.

– Чего рассказывать-то? Я и так уже все рассказал.

– Толкуй нам о том, как и где ты по сопатке выхватил! – Хруст подался вперед и впервые посмотрел Вальке в глаза. – Только не вздумай мне здесь пургу гнать, тут тебе не ментовка!

Невозмутимый и уверенный в себе Хруст в тот момент походил на египетского сфинкса. Валька отвернулся.

– В глаза мне смотри, рохля! Я тут с тобой не в игры играю!

Их глаза снова встретились, и Валька почувствовал себя крохотным беспомощным кроликом, столкнувшимся взглядом с трехметровым питоном. Его всегда пугал и в то же время привлекал Хруст, и Валька понял, что на этот раз лучше сказать правду.

– Значит, некрасовские тебя отоваривали! – выслушав объяснения Вальки, подытожил Хруст. – А ты им сказал, что на Металлистов живешь?

– Это было первое, что они спросили!

– Хреново! – Хруст сплюнул, потом достал из короба спичку и принялся ковырять ею в зубах.

– Это почему?

– Потому что некрасовские теперь всюду будут звонить, что на Металлистов одни чуханы обитают! – Хруст поднялся, отшвырнул изжеванную спичку и достал еще одну. – Короче, сегодня вечером встречаемся здесь и чешем в «Ботанический».

– Зачем?

– Поищем этих уродов!

Валька испуганно перевел взгляд на Мякиша, тот оставался невозмутимым.

...Весь остаток дня Валька не находил себе места. Когда они втроем пришли в Ботанический сад и обошли его вдоль и поперек, уже начало темнеть.

Наконец, отловив двух катающихся на самокатах мальчишек в военных пилотках, Хруст порасспросил их. Мальчишки, услышав, о ком идет речь, подсказали Хрусту и его провожатым, где могут находиться обидчики Вальки.

Хруст, Мякиш и Валька, пройдя пару кварталов, добрались до уже закрытого местного гастронома под названием «Русский каравай». В глухом дворе за складами они нашли тех, кого искали. Вся троица сидела за сколоченным наспех фанерным столом на таких же самодельных лавках и резалась в «сёку».

– Ждите меня здесь! – холодно процедил Хруст, оставив дружков за подсобкой у гастронома.

Пораженный спокойствием Мякиша, Валька наблюдал за происходящим, сунув руки в карманы. Толик Хрусталева подошел шаркающей походкой к играющим и сплюнул в сторону.

– Здорово, бродяги! Мне сказали, что вы трое в этом райончике мазу держите, – трое Валькиных знакомцев тут же отложили карты и с интересом уставились на Хруста. – Или я адресом ошибся?

– Это че ще за фигура нарисовалась? – резко спросил коротышка и вышел из-за стола.

– Утухни, недомерок! И так... я задал вам вопрос!

– Че-е-е?! Как ты меня назвал?!!

Бритоголовый тоже выскочил из-за стола, шагнул к Хрусту и остановился перед ним.

– Вроде не нашинский! Ты кто такой, дядя? – просипел парень, шурясь от света ночного фонаря. – Слышь... а ты ничего не попутал?

– Здесь наша территория, и мы здесь вопросы задаем! – визгливо продолжал коротышка.

– Ростом ты еще не вышел, чтобы мне вопросы задавать! Короче!!! На днях в вашем районе один мой кореш свои часики обронил...

Коротышка гыкнул и задрал рукав рубашки.

– Эти, что ли?

– Эти! Снимай!

– Чего?!!

– Ты, похоже, не только недомерок, ты еще и глухня!!!

– Ах ты, с-с-сук... – коротышка не договорил, потому что в эту же секунду Хруст высвободил руки из карманов и саданул собеседника в лицо.

Коротышка рухнул как подкошенный. Хруст тем временем метнулся к бритоголовому и ударил по коленке носком ботинка. Бритоголовый согнулся, согнул руки и прижал подбородок к груди. Хруст качнулся в сторону, потом подался вперед и дважды достал противника левым крюком, однако бритоголовый определенно тоже был не новичком в кулачных баталиях. Он успел закрыть лицо, прижав руки к щекам. После этого противник Хруста выбросил свою правую, голова Толика дернулась, и он на шаг отступил. Бритоголовый бросился вперед, стремясь закрепить успех. Он сделал ложный выпад, после чего снова выбросил вперед правую. Хруст словно только этого и ждал. Он поднырнул под руку и хлестко ударил противника по печени. Бритоголовый скрючился от боли, в тот же момент Хруст снова ударил правой. Удар пришелся в скулу. Кожа на месте удара лопнула, и лицо бритоголового тут же обагрилось кровью, он

пошатнулся и опустился на колено. Только сейчас Валька заметил, что на костяшках кулака его непрошенного заступника поблескивает металл.

Коротышка все еще корчился в пыли. Он скулил и скалился, сплевывая на землю кровь и осколки выбитых зубов.

Валька ощутил сухость во рту, его руки тряслись. Он подался было вперед и представил, что это он, а вовсе не Хруст умело расправляется с некрасовскими. На руку ему легла тяжелая рука. Валька обернулся и увидел бледное лицо Мякиша.

– Стой и не рыпайся! – процедил тот.

– Но почему?

– Потому что так велел Хруст!

Валька махнул рукой, но обуздал себя. Длинный все еще сидел за столом и испуганными глазами пялился на умывающихся кровью дружков. Хруст повернулся к парню, но поняв, что тот не собирается вступать в поединок и защищать своих, отступил. Он подошел к коротышке и ухватил парня за ворот.

– Так что, часы сам отдашь или помочь?

Бедолага дрожащими руками протянул Хрусту часы. Тот сунул их в карман, достал из кармана засаленную трешку и положил ее на стол.

– Бывайте, бродяги. Это вам на пилюли, и еще, увижу кого из вас на Металлистов, уж не взыщите... снова кровь пушу!

Хруст закурил и, выпустив над собой несколько дымных колец, все той же шаркающей походкой покинул место недавней битвы.

Когда Хруст вернул часы их законному владельцу, тот был готов визжать от восторга. Но паренек еще больше возликовал, когда его новый заступник снял со своих пальцев окровавленный кастет и торжественно вручил его Вальке:

– Пользуйся! И часы свои больше не теряй!

Часть 1

Левша

Глава первая

Телефонная трель резанула по ушам, и Зверев едва не свалился с кровати. Он протянул руку, снял трубку и недовольно процедил:

– Ну?

– Пал Василич, дорогой!!! Слава богу, дозвонился! Ты уж прости, но тут такое дело... – голос дежурного в трубке подрагивал, Звереву показалось, что звонивший вот-вот расплачется. – Пал Василич, у нас двойное. Корнев орет как ненормальный, требует тебя! Я ему, мол, у тебя отгул, а он и слушать не хочет!!! Собирайся, я за тобой машину послал.

Зверев откинул одеяло и мотнул головой, стараясь прогнать остатки дремы.

– Ничего не меняется! Ладно, еду! – Зверев повесил трубку.

Первым делом он направился в ванную. Приняв холодный душ, Зверев сварил себе кофе. После того со двора раздались тревожные сигналы, Зверев с недовольным видом выглянул в окно. Во дворе стояла старая «управленческая» «Эмка». За рулем «дежурки» почему-то сидел Гриша Панюшкин, а вовсе не Игорек Сафронов, за которым была закреплена старая легковушка. Высунувшись в окно, Гриша непрерывно жал на клаксон.

– Уймись ты, чертяка, я не глухой!!! – рявкнул Зверев, Гриша с завидным упрямством продолжал гудеть. Зверев погрозил седовласому усачу кулаком, тот что-то пробасил в ответ и, скривив лицо, со злостью сплюнул.

«А Гриша сегодня не в духе...» – философски отметил Зверев и отошел от окна. Он не спеша выпил чашку кофе, потом, выкурив сигарету, не спеша оделся и вышел за дверь.

На лестничной площадке Зверев столкнулся с Зинаидой Матюниной. Соседка, пышная женщина бальзаковского возраста, только что вынесла мусор и поднималась по лестнице, что-то тихо напевая.

– Павел Василич... добренького утречка вам, – увидев Зверева, Зинка расплылась в улыбке, но тут же ойкнула и вжалась в стену.

– Ты чего это визжишь, Зинаида? Паука, что ли, увидела или я тебя так напугал? – Зверев прошел мимо женщины и задержался на лестнице.

– Да полно тебе, сосед! Я пауков отродясь не боялась!

– А чего дергаешься, или Степка за старое взялся?

– Да какое там... Степка мой теперь как шелковый! И тебе за то спасибо, Пал Василич! С тех самых пор если и употребляет, то в одиночку и в меру. Всадит стакан беленькой, водой запьет, покурит – и на боковую! Я уж и не ругаю его за это. Он же мужик, чего уж тут поделаешь, коль ему без энтото не в мочь!

Степан Матюнин, муж Зинки, фронтовик и инвалид, был, в принципе, неплохим мужиком, но часто напивался и одно время даже поколачивал Зинку. Зинка же в таких случаях тут же бежала к Звереву, и тот умирал буяна и его дружков. Однажды такая бытовая ссора едва не закончилась для Зверева плачевно, ибо случайный собутыльник Матюнина оказался матерым рецидивистом и открыл в подъезде стрельбу.

– А вскрикнула я от того, что за доброту недобрым отплатили! – продолжала верещать Зинка.

– Кому?

– Тебе!

Зверев нахмурился:

– Это ты о чем?

– Так вот же... – Зинка вскинула руку, потрясая мусорным ведром! – Ты на задания свои собрался, а тебе навстречу я, баба-дура, да с пустым ведром! К несчастью это, примета есть такая!

Зверев рассмеялся.

– Ну ты даешь, соседка! А я уж и впрямь подумал...

Махнув рукой, Зверев двинулся дальше, сбежал по лестнице и вышел из подъезда. Зинка же только вздохнула, покачала головой и наспех перекрестила Зверева в спину.

Пока они ехали, Павел Васильевич сидел на правом переднем сиденье возле раскрытого окна и периодически помахивал журнальчиком, потому что жара стояла невыносимая, а двигались они медленно и их почти ветерком не обдувало. Мимо сновали машины и троллейбусы, пешеходы куда-то спешили и пыхтели от жары. Когда они выехали из центра города, народу и машин стало меньше. Панюшкин помалкивал, и тогда Зверев спросил:

– Ну все, Григорий! Давай уже наконец объясни, чего ты сегодня такой смурной?

Гриша отмахнулся:

– Да ну их всех к лешему!

– Кого это их?

– Да Корнева нашего и этих московских! А еще и Гошу нашего, балбеса...

– Ты про Сафронова? А он-то тут при чем? Ладно, давай по порядку. Меня вон сегодня из дома выдернули, хотя у меня и отгул, и я при этом, как видишь, сижу бодрячком, а ты тоску навел. На вот журнальчик тебе оставляю. Выдастся минутка, считаешь!

Гриша на ходу достал из кармана очки и нацепил их на нос:

– Что за журнал?

– «Роман-газета» – последний номер!

Гриша в знак одобрения кивнул и бросил журнал на заднее сиденье.

– Ладно, оставляй! Почитаем!

После этого Панюшкин сменил гнев на милость и принялся пояснять. Оказывается, причиной дурного настроения Гриши стало то, что сегодня утром новенький «ЗИС-Аремкүз», на котором Гриша ездил в течение последних нескольких месяцев, у него забрали. Причиной стало то, что сегодня утром из Москвы в Псков прибыла комиссия аж из самого Главного управления МВД. Начальник псковской милиции полковник Корнев, которому было поручено встретить прибывающих коллег из Москвы, поднял в управлении столько ненужной суеты, что все сотрудники молча стучали зубами, выполняя приказы Корнева и матеря его по-тихому на чем свет стоит.

Когда Корнев узнал об убийстве двух молодых людей на улице Гороховой, он тут же заревел белугой и срочно велел отыскать Зверева. Пусть Пашка разбирается с этим делом, а ему, Корневу, сейчас недосуг!

Приказав Звереву немедленно заняться двойным убийством на Гороховой, Корнев желал убить двух зайцев. Во-первых, он поручал расследование своему лучшему оперу, который наверняка сумеет раскрыть преступление, а во-вторых, исключил возможность того, что кто-нибудь из проверяющих столкнется с Пашкой Зверем, и тот в очередной раз выкинет что-нибудь эдакое, от чего у Корнева возникнут проблемы. Так что Корнев с двумя замами отправился на вокзал встречать членов комиссии, а Пашка Зверев, лишившись долгожданного отгула, поехал разбираться с двумя обнаруженными трупами.

Панюшкин, который сегодня согласно графику заступил на сутки на дежурство в качестве водителя, был весьма озадачен тем, что не обнаружил в гараже своего «Боливара» – именно так Панюшкин именовал свое любимое автотранспортное средство. Новенький «ЗИС-

Аремкуз», присланный год назад в управление из Калининграда, стал для Гриши настоящим детищем. Сегодня, узнав, что дежурить ему придется на старой черной «Эмке» с разбитым стоп-сигналом и подспущенными колесами, Гриша пришел в ярость. Всю дорогу он сквозь зубы материл Корнева и его чертову комиссию, а также злился на водителя «Эмки» Сафронова за то, что тот совсем не следит за машиной.

– Ты только послушай, Пал Василич, как у него движок троит! – продолжал бухтеть Гриша. – Вот же сопляк непутевый! Про спущенные колеса я уж и не говорю, я их подкачал, прежде чем к тебе ехать, а с движком-то я сейчас что сделаю?

Зверев в знак согласия кивал, пропуская ворчание пожилого шофера мимо ушей. Когда Гриша в очередной раз обматерил Сафронова, Зверев положил руку ему на плечо:

– Гринь, сверни-ка налево!

– Зачем?

– На Мироносицкое заскочим!

Гриша надул щеки, но, тут же догадавшись, в чем дело, выпустил пар.

– К Насте пойдешь?

Зверев кивнул, достал из кармана пачку сигарет, вынул одну, но, увидев вновь похолодевший взгляд Гриши, охнул. Как он мог забыть, что Гриша не любит, когда в его машине курят. Зверев хотел уже было смять сигарету и выкинуть ее в окно, но Гриша вдруг махнул рукой и выдохнул:

– Кури уж! Я все понимаю.

В последние месяцы Зверев работал без выходных и, наконец-то заработав отгул, решил в очередной раз посетить Мироносицкое кладбище, где была похоронена криминалист Настя Потапова, работавшая под его началом и погибшая в ходе расследования одного очень запутанного дела.

– Я ведь еще со вчерашнего дня туда собирался, а тут вы с этими двумя, – с несвойственным ему волнением сказал Зверев.

Гриша покашлял, но тем не менее напомнил:

– Так-то оно так, но только Корнев ведь орать будет, если узнает? Мне ведь приказано тебя без задержек доставить.

– Ничего он не узнает, а если что, вали все на меня! Мне не привыкать с начальником лаяться.

Гриша прибавил газу, и спустя несколько минут они свернули налево и подъехали к главным воротам Мироносицкого кладбища.

Зверев вышел из машины, купил у сидевшей в тени зеленеющего клена бабки пару гвоздик и не спеша двинулся вдоль траурной аллеи. На пару минут он остановился у местного храма, потом прошел мимо недавно восстановленной часовни и вышел к длинному ряду оградок.

Могилу Насти он нашел не сразу, потому что задумался и прошел мимо нужной развилки и протоптал лишних полсотни шагов, прежде чем понял свою ошибку. Зверев негромко выругался, посмотрел на часы и вернулся. Он нашел нужный поворот и прошел к оградке, вошел в нее, сгреб ладонью налетевшие на холмик листья и после этого положил цветы. В небе над головой летали стрижи, где-то поодаль послышался собачий лай. Зверев присел на скамеечку, выкурил сигарету. Нужно было спешить, но уходить не хотелось.

Павел Васильевич закрыл глаза, выдохнул и вдруг услышал едкий хрипловатый голосок. Кто-то довольно громко матерился. Зверев поморщился, его правая щека дернулась. Что такое, никакого уважения к усопшим!

Павел Васильевич поднялся и двинулся на голос.

Вскоре Зверев увидел замызганного мужичка лет шестидесяти, сидевшего на корточках и курившего самокрутку. Серое морщинистое лицо, недельной давности щетина, мешки под

глазами. Волосы мужчины напоминали взъерошенный стог грязной соломы, глаза сузились в щелки и почти не моргали. Рядом с нарушителем кладбищенской тишины валялась ржавая совковая лопата.

– Чего бузишь, дядя? – подойдя ближе, поинтересовался Зверев.

Незнакомец вздрогнул, но тут же пришел в себя.

– А твоя какая забота?

– Да так! Я просто от природы любопытный! Случилось у тебя чего?

– Да уж случилось!!! Ходят тут всякие да поскудства разные учиняют, сволочи!

– Ты о чем?

– А вон о чем! – мужик вскочил, схватил лопату и поманил рукой.

Зверев прошел вдоль могил и увидел раскуроченную яму, возле которой была свалена целая куча земли. Неужели кто-то откопал гроб?

Его догадка подтвердилась: ограда покосилась, вокруг ямы и на соседних могилах лежали комья влажной земли. Собеседник Зверева со злостью воткнул в песчаный холмик лопату и, поплевав на кончик самокрутки, загасил ее пальцем.

Павел Васильевич подался вперед и увидел на дне ямы гроб. Крышка была снята, мертвец, скрючившись, лежал рядом в грязи.

Щека Зверева снова дрогнула.

– Это кто же такое творит? – процедил Зверев сквозь зубы и принялся разглядывать мертвеца.

Это был длинный и тощий мужчина со впалыми щеками и угловатыми чертами лица. Синие губы мертвеца сжались в узкую полоску, на лице просматривались бледно-фиолетовые пятна, закрытые глаза походили на недозрелые сливы. Труп довольно свежий. Покойник лежал на боку, его челюсть была слегка сдвинута влево и вымазана грязью. Левая рука неестественно торчала в сторону, правый рукав мертвеца был наполнен неживой плотью лишь до половины.

– Однорукий? – отметил Зверев вслух.

– Однорукий, одноногий!!! Какая разница? Работы у меня от этого меньше не станет.

– Работаешь здесь?

– Работаю! Только сторожем, а не землекопом! Теперь вот полдня лопатой махать придется, а у меня радикулит...

– Милицию вызывали?

– Твоя-то какая забота? Иди уж и не мешай!

Зверев показал удостоверение.

– Так ты тоже из милиции. Была тут и милиция, и прочая шушера из исполкома, а что толку? Приехали, что-то смотрели, выспрашивали, даже собаку приволокли! А мне Прохор Ляксевич потом полчаса нотации читал! Ты, говорит, во всем виноват! Смотреть нужно было, что на вверенном тебе объекте делается.

– Прохор Алексеевич – это кто?

– Начальник мой! Я как по утрам это безобразие увидел, сразу же ему в контору позвонил. Так он тут же прилетел и милицию вызвал. Лучше бы я ему не звонил...

– Это еще почему?

– Да говорю же тебе, что наорал на меня начальник, пообещал квартальной премии лишить. Даже уволить грозил, если я тут порядок не наведу, – мужик махнул рукой. – Надо было прикопать этого калечного по-тихому – и все дела! А теперь помимо того, что закапывать придется, еще и премия тютю!

Сторож убрал в карман чинарик, спрыгнул в яму и уложил в гроб мертвеца. Потом он закрыл гроб крышкой, вылез, поплевал на ладони и стал бросать в яму землю. Зверев посмотрел на часы. Раз милиция была, ему тут больше делать нечего. Павел Васильевич повернулся и быстрым шагом направился к ожидавшей его машине.

Учитывая, что они опаздывали, всю оставшуюся часть пути Гриша жал на полную. Наконец машина остановилась возле старого двухэтажного строения с наполовину разрушенным верхним этажом и фасадом. Зверев вышел и увидел сидящих у подъезда на лавочках четверых сотрудников в форме. Они курили и о чем-то оживленно беседовали. Когда Зверев подошел, все курившие вскочили, а один – старший сержант небольшого росточка – вышел вперед и козырнул прибывшему.

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Вы в оцеплении? Не сильно, гляжу, напрягаетесь, весело тут у вас, – строго сказал Зверев.

Старший сержант помялся:

– Согласен! Виноват! Просто уже пятый час тут кукуем, а мы, между прочим, все после смены, вторые сутки на ногах.

– Ладно, понимаю!

Зверев вынул из кармана «Герцеговину Флор». Старший сержант щелкнул бензиновой зажигалкой, давая Звереву прикурить.

– Вы из местного отделения? – продолжал спрашивать Зверев.

– Так точно! Я здесь за старшего – старший сержант Белкин! – сержант снова приложил руку к козырьку.

– Да прекрати ты козырять, не на плацу! Меня откуда знаешь?

Белкин оскалился:

– Кто же не знает Зверя! Вы же у нас легенда!

– Вон оно как! Ладно, давай рассказывай, что здесь да как!

Белкин оживился, снял фуражку и вытер вспотевший лоб платком.

– Участковый уже умотал, а ваши из управления все еще копаются с этими шпанятами!

– Это ты про убитых? А почему шпанятами?

– Так пацаны еще совсем, лет по пятнадцать-шестнадцать!

– Вон оно что, а кто трупы обнаружил?

– Старикан один, он тут по соседству проживает! Этот дом давно уже пустует, старик ночью тут в окошке свет увидел, утром решил проверить, что да как, а тут такое! Медики приезжали, чтобы факт смерти зафиксировать.

– Зафиксировали?

– Зафиксировали! Ждали больше двух часов, потом бухтеть начали. Жара, мол... сколько можно? Хотели трупы забрать, а ваш опер не позволил. Сказал, пока Зверь сам место преступления не осмотрит, тела забрать не позволю!

– Понятно! – Зверев выбросил сигарету. – А что за опер?

– Вроде Костин...

Белкин посмотрел на своих, вся троица в знак согласия закивала.

– Костин? Вон оно как! – Зверев подавил улыбку. – Так, значит, мне сегодня повезло! Вот и верь после этого в приметы!

Белкин нахмурился.

– Это вы о чем, товарищ майор?

– Да бабу с пустым ведром встретил! Она мне говорит, что это плохая примета, а судя по тому, что ты сказал, оно вовсе не так! – Зверев хлопнул старшего сержанта по плечу. – Раз уж сам Венечка Костин к делу подключен, так, значит, мы это дело быстро раскроем. Наш Венечка – это сила!

Отодвинув рукой ошарашенного Белкина, Зверев двинулся к полуразрушенному дому и вошел в подъезд.

Глава вторая

За день до описываемых событий

Накануне утром Веня Костин опоздал на дежурство, и вовсе не оттого, что решил проводить Катеньку – причина была совершенно в другом.

Катенька – она же врач-терапевт межрайонной больницы города Пскова Екатерина Александровна Колесникова – миловидная брюнетка, с которой Веня познакомился при весьма непростых обстоятельствах при расследовании очередного громкого дела и в которую влюбился с первого взгляда, уже давно переехала жить к нему.

Примерно месяц назад Веня наконец-то решил покончить со своей холостяцкой жизнью, сделал Екатерине предложение и получил согласие. Парочка уже назначила дату свадьбы, но та сорвалась, так как Веня не явился в положенное время на регистрацию. Дело в том, что Веню накануне вызвали в управление, и ему пришлось почти сутки просидеть в засаде на конспиративной квартире в Завеличье. Катю такой поворот событий крайне огорчил, но уже к вечеру они помирились и назначили новую дату свадьбы, но и на этот раз случился конфуз.

Не особо любезное и довольно суровое начальство Екатерины Колесниковой срочно отправило ее во внеплановую командировку в Ленинград, вместо внезапно заболевшей сменщицы Любы Васильевой, которая умудрилась заразиться ветрянкой. Катя снова расстроилась. Веня же, несмотря на то что дата убийства Кати в Ленинград совпадала с его дежурством, решил непременно проводить девушку на вокзал. Поезд отправлялся в семь тридцать утра, и на дежурство он успевал.

Утром они проспали, поэтому добираться до вокзала пришлось на такси. К поезду подошли в самый последний момент. После недолгого прощания Веня проводил уходящий поезд взглядом и посмотрел на часы. Время позволяло особо не спешить, поэтому Веня, который не успел позавтракать, со спокойным сердцем направился в местную пельменную, благо что та уже открылась.

Несмотря на ранний час, народу в пельменной было много. Отстояв очередь, Веня взял две порции чуть теплых пельменей и компот из сухофруктов. Он какое-то время потолкался у столиков, и тут ему повезло, освободилось место, и Веня сел на стул у окна и приступил к трапезе.

Сегодня ему предстояло дежурство в оперативно-следственной группе, поэтому на повторный прием пищи времени могло и не быть. В спешке уничтожив первую порцию пельменей, Веня более степенно приступил ко второй.

Из открытого настежь окна с улицы тянуло жаром, пахло креозотом и табачным дымом. Диспетчер объявила о прибытии московского поезда. Веня, вяло жуя уже успевшие окончательно остыть пельмени, поглядывал в окно. Поезд подошел почти сразу, и к креозоту добавились запахи печной гари, апельсинов и копченой колбасы.

Перрон в одно мгновение наполнился людьми: мужчины, женщины, дети и старики, с авоськами и чемоданами, с портфелями и свертками... Прибывшие пассажиры спешили, толкались, громко разговаривали и спорили о цене с вездесущими носильщиками, предлагавшими им свои услуги. Доев последний пельмень и выпив остатки компота, Веня выплюнул в стакан косточку от абрикоса и дернулся, едва не поперхнувшись при этом. Внимание молодого оперативника привлек один из пассажиров, вышедший из четырнадцатого вагона.

Это был уже немолодой, но довольно импозантный седовласый мужчина в синем костюме-тройке и соломенной шляпе «Трильби». На носу у прибывшего красовалось «черепашковое» пенсне, его шею украшал батистовый галстук малинного цвета. В левой руке мужчина

держал небольшой кейс, правой опирался на палисандровую трость с позолоченной рукоятью. Справившись с охватившим его волнением, Веня откинулся назад и тихо рассмеялся.

Глазам своим не верю! Это же не кто иной, как прославленный игрок – Зося!

Проводив взглядом так заинтересовавшего его пассажира, Веня вышел из-за стола. Молодой опер покинул пельменную, немного постоял и направился вдоль перрона к «голове» поезда. В другое время Веня наверняка последил бы за прибывшим в Псков гастролером, однако так как молодой опер спешил на дежурство, то преследовать Зосю он не стал.

– Товарищ, вы мне не поможете? – послышался сверху голос. Веня повернулся и увидел толстую тетку в цветастом платье, пытавшуюся стащить по сходням огромный чемодан.

– Разумеется, – Веня остановился, принял от женщины ее поклажу, которая, как выяснилось, состояла не из одного, а из двух чемоданов и сумки, и хотел уж было удалиться, но женщина удержала его за рукав:

– Подождите! Можно вас еще попросить?

– Да, конечно!

– Там в купе – мужчина. Ему в дороге стало плохо.

– Что с ним?

– Сердце прихватило! Там проводница с ним возится! Отпаивает валокордином и сует под нос нашатырь.

– Так надо «Скорую» вызвать!

– Может, и надо, а может – и нет! Это поначалу он задыхался, а сейчас вроде оклемался. Правда, когда я уходила, он еще не решался встать. Может, вы просто войдете в купе и поможете ему вынести вещи?

Веня взглянул на часы, время до дежурства еще было.

– Хорошо! В каком он купе?

– В предпоследнем!

– Ну что ж, пойдем посмотрим на вашего немощного старичка!

– Какое там старичок – молодой он совсем! – крикнула женщина вслед, когда Веня вошел в вагон. – Лет сорок ему, не больше! Просто в карты проигрался, говорит, что все деньги спустил, вот сердечко и прижало!

Веня вздрогнул, тут же обернулся и увидел, что его собеседница уже забыла и про него, и про заболевшего пассажира и теперь энергично о чем-то спорит с носильщиком, то и дело тыкая пальцем на свою сумку и чемоданы.

– Молодой человек, вы зачем в вагон вошли? Тут у нас конечная! – перед Веней, откуда ни возьмись, появилась немолодая кучерявая проводница в помятой форме и с флакончиком валокордина в руке.

– Мне сказали, что в купе пассажиру плохо! Попросили помочь!

– Не нужно ему помогать! Лучше ему, так что обойдется он и без вашей помощи! – женщина легонько подтолкнула Веню к выходу, и тот спустился на перрон. – Сам виноват, нечего было в карты играть с кем ни попадя. Сразу же было видно, что этот молодчик шулер!

– Шулер? Вы уверены? – Веня с понимающим видом кивнул. Разумеется, речь идет о Зосе – этот любого без штанов оставит.

– Шулер – чистой воды шулер! Ловкий пройдоха, ничего не скажешь. Ободрал, стало быть, моего пассажира как липку и умотал в третий вагон.

– Значит, он еще и в третьем нарисовался! – Веня покачал головой.

– Так он ехал в нем! – проводница сошла на перрон.

– С чего вы это взяли?

– Так я у него билет затребовала, он мне его и показал. Все правильно, ехал он в третьем вагоне...

Веня замотал головой:

– Подождите, а это какой?

– Седьмой!

– Так разве ваш шулер не в конце поезда ехал? – Веня нахмурил брови, он ведь отчетливо помнил, что Зося Вуйчик вышел из четырнадцатого.

– Юноша, не морочьте мне голову! Мой вагон седьмой. Моего пассажира ободрали так, что он чуть не преставился, а шулер, тот что ободрал, – он вовсе не мой пассажир! Он в третьем вагоне ехал! Хотя играли они действительно здесь – в предпоследнем купе.

– Ничего не понимаю! Третий, седьмой, четырнадцатый... – не унимался Веня. – Вот же старый аферюга – всюду побывать успел!

– Насчет аферюги – согласна, а вот насчет старого... – это ты, сынок, загнул! Шулер тот молодой совсем! Пожалуй, даже помоложе тебя будет!

– Кто?!

– Да тот рыжий!

Веня мотнул головой и вытянул шею. Из вагона вышел плотный мужчина в полосатом костюме и помятой шляпе и поплелся к вокзалу.

– Это и есть ваш сердечник? – уточнил Веня.

– Он самый!

Веня подался было вперед, но проводница его удержала.

– Да не лез бы ты к нему, а то и не ровен час помрет!

Проводив взглядом удалявшегося пассажира, Веня снова насел на проводницу седьмого вагона:

– Значит, вы хотите сказать, что шулер, о котором идет речь, рыжеволосый и молодой? Может, все-таки он седовласый и в годах? Ходит в модном костюме и шляпе, носит трость?

Проводница покрутила пальцем у виска.

– Ступал бы ты, сынок! Я сперва думала, что ты поддал слегка, оттого и несешь всякую чушь! А теперь смотрю, вроде трезвый! Видно, просто голову тебе напекло. В последний раз говорю: шулер этот молодой и рыжий, а еще спортсмен!

– А это-то вы с чего взяли?

Проводница оттолкнула Веню, встала на цыпочки и вытянула шею.

– Так значок у него, да ты вон сам на него посмотри! Да вон он... вон! Вылез черт патлатый, стоит и льбится, паразит!

– Да где?

Проводница указала рукой.

– Как раз у третьего вагона и стоит, с Людкой нашей разговаривает.

Веня посмотрел в указанном направлении – и не поверил своим глазам. У третьего вагона стоял вовсе не Зося, а рыжий парень. Он стоял, распрямив плечи, и оживленно беседовал с молоденькой белокурой проводницей третьего вагона. Тенниска, брюки, желтые сандалии, спортивная сумка через плечо – в отличие от первого пассажира московского поезда, так заинтересовавшего Веню, этот спортивного вида молодой человек вовсе не выглядел пажоном. Румяные щеки, игривый прищур, значок ГТО первой ступени на рубашке – этот рыжеватый красавчик и в самом деле выглядел настоящим рубахой-парнем, одним из тех, кто любит футбол, по вечерам посещает танцплощадки, ходит по «киношкам» и встречается с хорошенькими девчонками. Однако Веня прекрасно знал, что этот во всех отношениях приятный парень не так уж и прост.

Обоих пассажиров, прибывших этим утром из Москвы и попавших в его поле зрения, Веня не просто знал, но и имел честь с ними когда-то общаться. Дело в том, что в молодости, когда Веня еще жил в Крыму и даже в мыслях не держал того, что пойдет служить в милицию, он очень плотно сблизился с неким Лешей Рентгеном – профессиональным карточным игроком.

От Леши Веня почерпнул необходимые знания и навыки и в будущем мог сам бы стать известным каталой, если бы в свое время об их делах не проводали представители органов правопорядка. Лешу Рентгена упекли за решетку, из тюрьмы живым он не вышел, так как повздорил там с какими-то серьезными людьми и его нашли повешенным в камере. Вене тогда тоже светил срок, но благодаря его молодости и участию в судьбе парня одного из следователей Костин не только остался на свободе, но и взялся за ум. Отслужил во флоте, повоевал и в один прекрасный день устроился работать в милицию.

Таким образом, благодаря своему не совсем безупречному прошлому Веня обладал определенными знаниями и просто не мог не узнать в седовласом щеголе в «черепаховом» пенсне известного в определенных кругах Зосю Вуйчика, орудовавшего в свое время в Феодосии и Керчи, а после войны перебравшегося в Москву. Зося обладал необычайно чувствительными пальцами, он метил карты иголкой и с легкостью на ощупь мог отличить шестерку от туза. Среди профессиональных игроков Зося был известен как настоящий польский интеллигент, который играл на доверии и частенько водил будущих соперников в близлежащую лавку, где покупал при них новую колоду для предстоящей игры. Весь трюк состоял в том, что продавцы карт были с Зосей в доле и продавали соперникам уже заранее помеченные карты.

Что же касается второго «москвича», прибывшего этим утром на псковский вокзал, о нем можно было сказать примерно то же. Рыжеватый красавец со значком «ГТО» на футболке был не кто иной, как Эдуард Сомов, которого в определенных кругах все именовали просто Эдичкой. Этот самый ловкий пройдоха тоже обладал удивительно ловкими пальцами и считался настоящим мастером фальшивой сдачи карт, передергивания и прочих приемов нечестной игры. Одним словом, когда Веня встретил на вокзале Зосю, он удивился; увидев же вслед за ним Сомова, он и вовсе потерял покой и все-таки решил, что должен выяснить, в чем тут, собственно, дело. На время позабыв про свое дежурство, он всю первую половину дня потратил на слежку за Эдичкой Сомовым, который долго кружил по городу: посетил Кремль, покрутился возле Ольгинской часовни, съел мороженое и даже покатался на карусели в детском парке. Только после этого Эдичка нырнул во второй подъезд старенькой пятиэтажки на улице Бастионной и пропал.

Порасспросив местных мальчишек, Веня выяснил, что именно во втором подъезде в двадцать второй квартире живет некая Римма Марковна, которая сдает комнаты постояльцам за немалые деньги. Когда спустя час Веня снова увидел Эдичку, выходящего из подъезда уже без своей сумки, он решил, что его миссия завершена. Прибывший в Псков рыжеволосый шулер остановился на постой именно здесь. Только после этого Веня с чувством выполненного долга отправился в управление.

Когда Веня вошел в кабинет оперативного отдела, следователь Витя Кравцов, который в этот день выполнял обязанности руководителя дежурной оперативно-следственной группы, с ходу наорал на него и заявил, что доложит начальству о его опоздании. Веня, который терпеть не мог, когда на него кричат, послал следователя к черту, уселся за стол и принялся листать папку со сводками. Веня был недоволен поступком Кравцова и не на шутку обиделся на него, но не особо опечалился. Он прекрасно понимал, что если Кравцов и впрямь решит выполнить свою угрозу, то он никак не поедет к начальнику управления Корневу, а всего лишь сообщит об опоздании непосредственному начальнику Вени – то есть Звереву. А уж со Зверевым-то они договорятся.

«Если Витка решил меня воспитывать, – в сердцах рассуждал Веня, – черта с два я сообщу ему причину моего опоздания. Ни Сомов, ни Вуйчик пока не совершили ничего предосудительного, поэтому об их появлении в Пскове можно пока никому не сообщать. Хотя нет... Звереву об этих двоих сказать, пожалуй, стоит...» Размышления Вени прервал телефонный звонок, и дежурный дал команду на выезд. Вторую половину дня они занимались кражей.

В продовольственном магазине на Старотекстильной пропали две коробки с индийским чаем и одна коробка пакетированного киселя производства предприятия «Колос». Позабыв про свои обиды, Веня тут же включился в работу и путем опроса уже к вечеру обнаружил пропажу. Кисель и чай были похищены одним из грузчиков магазина, бывшим уголовником, недавно принятым на работу. Воришку доставили в местное РОВД, а директор магазина, лысоватый толстячок по фамилии Буркин, вместо благодарности долго возмущался, когда узнал, что найденные товары будут изъяты и приобщены к вещдокам, вместо того, чтобы тут же попасть на прилавок.

Ночь прошла спокойно, Костин до пяти утра кемарил за своим рабочим столом, и только уже под утро им сообщили о двойном убийстве на улице Гороховой, так что смениться пораньше и умотать домой у Вени и его коллег не получилось.

Глава третья

Зверев вошел в подъезд полуразрушенного дома на улице Гороховой и, стараясь не испачкать брюки, вошел в одну из распахнутых дверей. В квартире он увидел Костина. Веня энергично размахивал руками и ожесточенно спорил со старшим дежурной опергруппы Кравцовым. Кравцов пыхтел, его лоб покрылся испариной, но при всем своем желании он не успевал даже вставить слова в энергичный монолог Вени. В помещении помимо спорщиков находились эксперт-криминалист Леонид Валерьевич Мокришин и кинолог Геннадий Логвин, чернявый круглолицый крепыш с небольшим кругленьким брюшком.

Гена сидел на табурете и клевал носом, у его ног, лежа на грязном полу, устроилась лохматая овчарка по кличке Бармалей. Когда Зверев вошел, пес вскинул голову, пару раз вильнул хвостом и вслед за этим снова лег, видимо, утратив к вошедшему интерес. В свойственной ему манере помалкивать Леня Мокришин бросил лишь короткий взгляд на вошедшего Зверева и тут же, словно забыв про него, продолжил рассматривать через толстенную лупу смятый в гармошку чинарик. Леня держал окурок пинцетом, вертел его и взирал на него так же, как заправский ювелир смотрит на ограненный алмаз весом никак не меньше чем в триста карат. Чтобы привлечь к себе внимание, Зверев покашлял. Кравцов, увидев вошедшего, вздохнул с облегчением:

– Наконец-то! А то я уж думал, что мы будем до ночи тут торчать!

– О, Пал Василич! – обрадовался и Костин. – Виктор Константинович у нас сегодня спешит куда-то, а я ему говорю, что до приезда Зверя покойников не трогать.

– Бешеный он у тебя, Василич, и упрямый! – продолжал Кравцов. – А еще оба вы одного поля ягоды – что одного, что другого по полдня ждать приходится! И чего такого ты можешь найти, чего мы не нашли? Ладно уж, раз приехал, то даю вам обоим еще полчаса, а потом хочешь не хочешь, велю покойников уносить. Я, если что – на улице!

Прошагав в сторону выхода на цыпочках, чтобы не затоптать следы, Кравцов покинул комнату.

– Где они? – спросил Зверев, когда дверь за следователем захлопнулась. Костин махнул рукой, и они прошли в следующую комнату.

Взору майора открылась удручающая картина. Серые обои свисали клочьями, открывая уже успевшие подернуться плесенью голые стены. Повсюду валялись старые корзины, кастрюли и осколки битого фарфора. Расслоившаяся от влаги мебель состояла из прожженного кресла и облезлого шкафа, все двери которого были сорваны с петель. Дополняло все это убогое убранство стоявшее в углу старое пианино, покрытое сорванными с окон занавесками. Однако представшая глазам Зверева картина была не так безобразна, как то, что Зверев увидел у противоположной стены. Тут на двух старых вытертых стульях сидели худощавый светловолосый парень лет шестнадцати с отеками от синяков и ссадин лицом и примерно такого же возраста здоровяк с искривленным от боли лицом.

Подойдя ближе, Зверев внимательно осмотрел светловолосого. Кожа на лице паренька была рассечена в нескольких местах, переносица опухла, через прокушенную губу были видны осколки передних зубов. Оба мертвеца были связаны бечевкой и привязаны к стульям. Одежда покойников была заляпана запекшейся кровью. Зверев подошел, принялся и вопросительно посмотрел на Костина:

– Мне кажется или от здорового парня спиртом пахнет?

– Не показалось! Здесь и в самом деле довольно тяжелый душок. Видимо, хорошо погуляли и попойка была нешуточная. Я что думаю, сидели в компании, выпивали, ну а потом повздорили!

Зверев вновь подошел к светловолосому и более внимательно рассмотрел рассечения на лице мертвеца.

– Я думаю, били кастетом!

– Вероятнее всего! – согласился Костин.

– Нож и кастет, надо полагать, вы не нашли!

– Кто ж такие улики оставляет?

– А что нашли?

Веня начал перечислять:

– Сам видишь, тут все довольно загажено и запылено, поэтому то, что появилось недавно, мы смогли определить сразу. Нашли с полдюжины окурков, наши гуляки курили «Казбек». Примечательно, что у двух окурков мундштуки смяты «гармошкой», а другие четыре просто сдавлены зубами.

– Еще что?

– Натоптано тут изрядно, Леня отыскал несколько довольно отчетливых следов, которые не могли быть оставлены жертвами. У одного из подозреваемых обувь сорок пятого размера, у другого – поменьше, и сбит каблук. Найденные следы явно оставлены не обувью, надетой на ноги жертв. Одним словом, помимо этих парней здесь побывали как минимум еще двое.

– Хорошо! Еще что?

– Теперь что касается поножовщины: два удара – два трупа! Покойники сидят рядом, сзади стена, значит, убийца стоял перед ними. Ножевые ранения идентичны – в области правого подреберья. Думаю, что убивал один и тот же человек, бил вот так. – Костин изобразил, как был проведен удар, и пожал плечами. – Тут и судмедэксперт не нужен, чтобы понять, что наш убийца – левша!

Зверев ничего не ответил, прошелся по комнате, вернулся к светловолосому и потянул носом.

– Если это была пьянка, почему от этого не пахнет? Где объедки, бутылки, стаканы? Слабо верится, что убийцы, прирезав этих двоих, все это унесли с собой, но почему-то оставили гору окурков. – Зверев снова потянул ноздрями воздух. – Хотя даже сейчас повсюду спиртом пахнет.

– Это точно! Наш Бармалей, пока работал, весь обчихался и ничего толком не унюхал!

– А вы что хотели, сам же сказал, что тут спиртом несет, причем так несет, словно его ручьем лили! – внезапно очнувшийся от дремы Логвин тут же вступился за своего питомца.

– То есть совсем ничего не унюхал? – уточнил Зверев.

– Довел нас до соседнего дома, а там вот, – сказал Костин, подошел к Мокришину и взял у него из саквояжа пакет. В пакете лежала пустая армейская фляжка в новеньком чехле. – Вот в чем они спирт принесли. Бармалей отыскал эту фляжку у ближайшего дома, а дальше идти отказался. А когда вернулись, все время чихал.

Зверев хмыкнул и вновь прошелся по комнате. Приблизившись к дальнему углу, он присел и принялся рассматривать небольшое багровое пятнышко на полу.

– Похоже на кровь!

– Вот здесь Бармалей крутился, но потом помотал мордой и больше активности не проявлял, – продолжал рассказывать Костин.

Зверев еще раз осмотрел угол.

– Пойдем, покажешь мне, где вы фляжку нашли, – приказал Павел Васильевич, и спустя минуту они вышли из подъезда.

На улице было все так же душно, где-то вдали за густыми кустами кто-то из местных протяжно тянул слегка расстроенную гармошку.

Они осмотрели место, где Бармалей нашел фляжку, и прошли еще метров сто в сторону жилых домов. Там, где закончился асфальт, Зверев остановился.

– Чего там? – засуетился Костин.

– Видишь, трава примята и, по-моему, дерн в одном месте нарушен?

– Где? Ах это!

Зверев сделал шаг в сторону и ковырнул землю ботинком.

– Точно! Смотри! Кто-то подрезал дерн чем-то острым, думаю, ножом, и наверняка тут мы что-нибудь найдем!

Зверев приподнял пласт земли и стал грести землю рукой. Когда под его ладонью мелькнул клочок материи, Павел Васильевич двумя пальцами потянул его и вытащил из земли носовой платок из белого ситца. Веня взял находку, поднес ее к лицу.

– От платка что, тоже спиртом пахнет?

Он не договорил, так как Зверев сделал еще несколько движений руками и достал из вырытой ямки раздавленный окурочек. Аккуратно держа находку кончиками пальцев, майор внимательно его рассмотрел.

– «Lucky Strike»! Недешевый табачок курил тот, кто тут заметал следы, – сказал Зверев. – Среди нашей псковской бандитской братии такие сигареты не многим по карману. Если в доме следы оставили двое, то эта находка говорит о том, что, скорее всего, тут побывал еще и третий.

Костин все еще рассматривал платок.

– Похоже, этот наш третий еще и чистюля!

– Вот именно! Причем патологический чистюля! Этот белый платочек он спиртом намочил, а потом им руки вытер! Как тебе такая версия?

Веня расцвел:

– Выходит, не зря я столько времени с Кравцовым лаялся! Ну ты, Василич, даешь! Всегда говорил, что у тебя глаз – алмаз! Служба в разведке определенно сказывается!

Павел Васильевич помрачнел.

– Про разведку мы с тобой позже поговорим, а пока можете закругляться.

– А ты?

– А я отчаливаю...

Заметив, что щека Зверева дернулась, Веня встрепенулся.

– У тебя такой вид, Пал Васильевич, что ты о чем-то догадался, – Веня хитро сощурился. – Может, расскажешь, какие мыслишки тебя одолевают?

– Может, и расскажу, но не здесь и не сейчас! Мне сначала увиденное обмозговать нужно. – Зверев хлопнул напарника по спине и поспешно удалился.

Глава четвертая

Когда в кабинете начальника псковской милиции проводились совещания, все участники обычно садились за столом по обе стороны от сурового полковника. Один лишь Зверев, как правило, устраивался на диванчике у стены, как раз под портретом Сталина, висевшим на ней. Однако сегодня, когда участники совещания собрались для того, чтобы сделать доклады и обменяться мнениями, Зверев, вопреки своей привычке сидеть под портретом вождя, сел за дальний угол стола, выложил перед собой какие-то папки с документами и уткнулся в них, никак не реагируя на прочих участников совещания. Такое поведение Зверева крайне удивило в первую очередь самого Корнева; вторым, кому поведение Паши Зверя показалось странным, был, конечно же, его неизменный товарищ и лучший помощник Костин. Его и Кравцова, возглавлявшего дежурную группу, сегодня пригласили на общее совещание с начальниками отделов, так как Корневу очень хотелось знать подробности уже успевшего на шуметь дела об убийстве двух ребят на улице Гороховой. Выслушав доклады начальников отделов, Корнев отпустил их по рабочим местам, и в душном кабинете остались лишь сам начальник милиции, Кравцов, Веня и Зверев.

– Личности убитых установили? – не дав Кравцову начать говорить, спросил Корнев.

– Первый убитый, тот, на лице которого следы побоев, – Валентин Чижов, тридцать четвертого года рождения, учащийся средней школы номер семь, проживал по адресу улица Металлистов, двенадцать. Вторым – Хлебников Иван, является одноклассником Чижова и проживает в том же доме, что и Чижов.

– Примерное время смерти установлено?

– Сегодня ночью. Живший по соседству старик видел в окнах заброшенного дома свет. Фамилия старика Ерошкин. У него бессонница, а так как ночью было жарко и окна были открыты, Ерошкин услышал со стороны заброшенного дома крики. Он выглянул в окно и увидел, что в одном из окон горит свет.

– Думаю, что это был свет от карманного фонаря, так как электричество в доме отсутствует, – уточнил Костин.

– Старик решил, что в доме собралась местная шпана, что, по его словам, частенько случалось, и шум поднимать не стал, к тому же телефона у него нет, чтобы сообщить в милицию, – продолжил Кравцов. – А утром пошел гулять с собакой и все-таки заглянул на развалины и обнаружил ребят. Тут же вызвал милицию.

Снова вмешался Веня:

– Сегодня утром мать Чижова приходила в милицию, сказала, что ее сын не пришел ночевать, но так как не прошло трех дней с момента пропажи...

– Ясно! Еще что? – спросил Корнев.

– По показаниям соседей, оба подростка были настоящими хулиганами и водились с разными сомнительными личностями, – продолжил рассказ Кравцов.

– С какими конкретно?

– Пока неизвестно! Думаю, что нужно будет пообщаться с другими одноклассниками ребят, поговорить с учителями.

– Само собой разумеется! – заметил Корнев. – Орудие убийства нашли?

– Нет! Преступник использовал нож и, предположительно, кастет. Орудия преступления убийцы унесли с собой. Место сильно загажено и буквально залито спиртом, так что собака почти ничего не нашла. Судя по всему, преступников было трое, однако ножом орудовал один и тот же человек, и этот человек – левша. На месте преступления обнаружены свежие окурки сигарет «Казбек» и «Lucky Strike», пустая фляжка с остатками спирта и носовой платок, который был зарыт в землю.

Корнев что-то пометил в ежедневнике и принялся рассуждать:

– И что же у нас получается? Компания подростков из пяти человек собралась в заброшенном доме. Пили спирт, гуляли, а потом что-то не поделили. Один из гуляк по фамилии Чижов был избит и привязан к стулу. Еще один участник попойки, тот самый Хлебников, возможно, вступился за Чижова, и его тоже связали. Потом один из подвыпивших хулиганов, видимо, сильно злоупотребил алкоголем, рассвирепел и пырнул связанных ребят ножом. Все перепугались и скрылись, позабыв на месте преступления недопитую фляжку со спиртом.

– Мы думаем, что все было немного иначе! – вступил в беседу Костин.

Полковник принялся стучать пальцами по крышке стола.

– Тогда высказывай свою версию!

– Убитых, скорее всего, приволокли сюда силой. И пьянствовать в этом гадюшнике никто не собирался.

– Тогда почему всюду несло спиртом? – Корнев нахмурился.

– Я думаю, что этих ребят пытали!

– Тогда почему от Хлебникова разит водкой? Или, по-твоему, ему водки в горло влили, в качестве анестезии? Странно все как-то у вас получается! Одного избивали до полусмерти, а другого водочкой потчевали! А потом зарезали обоих! Что за бред?

Словно моля Зверева о помощи, Веня уставился на начальника, тот наконец-то заговорил:

– Этих ребят действительно пытали!

– Тогда почему следы от побоев на лице только у Чижова?

– При более детальном просмотре у Хлебникова на подбородке тоже царапины просматриваются, – продолжал Зверев.

– Может, побрился неудачно?

– Хлебникову пятнадцать лет, и на подбородке у него юношеский пушок. Вполне вероятно, что он и бритву-то еще не знает как держать.

– А я о чем говорю? – начал распаляться Корнев. – Пробовал бриться и порезал подбородок...

– Этих ребят пытали! – упрямо повторил Зверев. – Сначала этих парней притащили в заброшенный дом, привязали к стульям и начали избивать Чижова. Делали это первые двое, те, что курили «Казбек» и пользовались кастетом. Только Чижов, похоже, ничего не сказал. Либо оказался крепким малым, либо просто не знал то, что было нужно этим бандитам. Потом в дело вступил третий – тот самый левша, который курит дорогие сигареты и протирает руки спиртом. Причем он постоянно протирает руки спиртом. Этот третий, в отличие от первых двух, научен не оставлять следов и умеет развязывать языки.

– Ничего не понимаю, – проворчал Корнев. – Прячет следы и обучен способам ведения допроса. Уж не хочешь ли ты сказать, что этот самый чистюля служил в разведке?

– Именно это я и хочу сказать! – подытожил Зверев.

Его щека снова дернулась, и он закусил губу. Потом, отложив в сторону лежавшие перед ним бумаги, майор встал, прошелся по кабинету. Видя, что Зверев не на шутку возбужден, Корнев наполнил стакан и дал Звереву воды.

– Выпей-ка, дружок! Что-то давно я не видел тебя таким взволнованным!

Зверев взял стакан, но тут же поставил его перед собой.

– Самое странное то, что у меня есть ощущение, будто бы я знаю его!

– Кого?! – воскликнули разом Костин и Корнев.

– Его. Нашего третьего.

– Ты знаешь убийцу?!

– Возможно! – Зверев все-таки выпил воды. – Ну хорошо, чтобы все было понятно, я расскажу вам один эпизод из моего прошлого. Моего фронтowego прошлого...

Южный фронт, Ростовское направление, район Миллерова, ноябрь 1941

Войска пятьдесят шестой армии готовились к наступлению, им предстояло форсировать Дон. На правом фланге эту задачу усложняло то, что в этом месте на правом берегу располагался мощный укрепленный район, откуда немцы были способны вести длительный прицельный огонь из орудий и минометов.

Хоть морозы в этом году ударили рано, но лед все еще был тонок, поэтому с ходу бросить в бой танки и бронетехнику на данном участке не представлялось возможности. Командование планировало провести мощную артподготовку, а для ее эффективности были нужны точные данные месторасположения огневых позиций противника. Несмотря на то что войска пятьдесят шестой армии готовили наступление, у немцев на данном направлении было значительное превосходство в авиации, так что выяснить необходимые данные о месторасположении позиций противника с воздуха было просто нереально. Ввиду этого Звереву и его подразделению была поставлена задача разведать местность и по возможности добыть «языка».

На выполнение задания ушло чуть более суток, «языка» они добыли, но вот возвращение к своим несколько затянулось...

За месяц до того, как немцы вошли в Ростов, частям выдали зимнее обмундирование, что было очень кстати, так как морозы ударили еще в конце октября. Буквально за несколько дней дороги, которые в последние дни сильно размыло, стали тверды как гранит, и это давало возможность ускорить перегруппирование войск. Немцы тоже спешно перегруппировывались. Два бронетранспортера, тентованный грузовик и несколько мотоциклов проехали по подмерзшей грунтовке, громко тарахтя моторами и выбрасывая густые облака гари. Суровые лица, мышиного цвета шинели, блики на касках, покрытая инеем броня – все это было таким обычным, привычным. Зверев задержал дыхание, выдохнул, тут же напрягся, поняв, что допустил ошибку.

Колонна продолжала двигаться, Зверев снова выдохнул – на этот раз в рукавицу. Он достал планшет, вынул компас и на всякий случай сверил маршрут, хотя в этом и не было особой необходимости. Рядовой Кичигин, который вел их по дебрям и вывел напрямик на немецкие позиции, был местным и уверял, что может провести группу даже с закрытыми глазами. Всем хотелось в это верить, однако знать дорогу и суметь выйти к своим – это было не одно и то же. Сейчас Кичигин и его лучший приятель Костя Шпагин в составе головного дозора должны были быть уже на берегу и изучать участок реки, через который им придется возвращаться на свои позиции.

Когда колонна растворилась в тумане, они выбежали из зарослей, пересекли дорогу и снова исчезли в кустах. Укрывшись, Зверев посмотрел на молодого Ваню Злобина. Для Вани это был первый рейд за линию фронта, однако парень держался молодцом: дыхание ровное, невозмутимый взгляд, четкие и умелые движения во всем. Что уж тут говорить, людей к себе во взвод Зверев подбирал сам, и поэтому у него в подчинении были самые лучшие бойцы. Пятым членом группы, которую Зверев отобрал для выполнения приказа командования, был его заместитель старший сержант Луковицкий.

Чуть выше среднего, худощавый и жилистый Юра Луковицкий слыл чистюлей и педантом. Он стригся коротко, но не налысо, как это делали многие солдаты и сержанты, чтобы не разводить вшей, зато при любой возможности мыл голову с мылом и всегда имел при себе расческу. Ему было не больше сорока, он носил испанскую бородку, которая уже успела слегка поседеть, и примерно раз в неделю подравнивал ее специальными маленькими ножничками. Ногти бывалого разведчика всегда были чисты и коротко острижены. Но самым удивительным было еще и то, что свои руки лицо и шею старший сержант регулярно не только мыл, но еще

и дезинфицировал. Луковицкий Юрий Сергеевич всегда носил на ремне не одну, а целых две армейские фляжки. В первой фляжке Луковицкий, как и прочие, носил воду, а вторую наполнял неразбавленным спиртом. Старший сержант не употреблял алкоголь, а спирт использовал исключительно для дезинфекции. Остальные разведчики обычно недовольно морщились и укоризненно мотали головой, когда наблюдали, как их замкомвзвода бездарно расходует столь ценный и стратегически важный продукт.

Сейчас суровый зам Паши Зверева стоял, прижавшись спиной к высокой осине, и усиленно вытирал свои сугубо, по его собственному мнению, не очень чистые руки носовым платком. Глядя на замкомвзвода, Зверев, которого уж тоже никак нельзя было считать грязнулей, тем не менее хмыкнул. «Уж лучше бы побольше за фрицем смотрел. А то неровен час отмочит чего-нибудь эдакое, и тогда мы все окажемся в таком дерьме, что ни платком не сотрешь, ни спиртом не отмоешь. Вон как зыркает, гаденыш», – подумал Зверев и перевел взгляд на захваченного его бойцами «языка».

Молоденький солдатик был похож на мышонка – худой, остроносый и мертвенно бледный. Глаза его все время бегали, напряженные скулы выдавали тревогу, хотя немец из всех сил пытался демонстрировать, что ему ничуть не страшно. «Ничего, – рассуждал про себя Зверев, – поартачится немного, понудит что-нибудь про свой воинский долг перед фюрером и перед великой Германией – и расскажет все что знает, благо ребята были из штаба округа, они и не таким развязывали языки».

Немца взяли этой ночью довольно ловко, когда он отошел в лесок по нужде и тут же угодил в руки Зверева и его бойцов. Едва беспечный обер-ефрейтор успел сделать свое дело, как на него набросился Шпагин и хотел ухватить за шею, но тощенький артиллерист оказался довольно прытким. Он сумел сбросить захват, ткнул Шпагина кулаком в живот и собирался было закричать, но не успел. Старший сержант Луковицкий тоже подскочил к шустрому немцу и саданул неприятелю ногой в пах. Когда обер-ефрейтор застонал и согнулся пополам, Луковицкий сбил врага с ног и заткнул ему рот своей рукавицей.

Завершив свои очистительные процедуры, Луковицкий убрал в карман носовой платок и посмотрел вверх. Облака сгущались, однако солнце уже собиралось показаться из-за горизонта.

– Вторые сутки петляем, скоро рассветет. Если не успеем до заката переправиться, придется еще раз заночевать в лесу, – тихо сказал старший сержант своим ледяным голоском.

– И в самом деле, командир, – поддержал Луковицкого Злобин. – Может, ускоримся малость? Хочется уже в теплый блиндажик завалиться, да на топчанок, а перед этим сто пятьдесят для согреву и пожубрить чего-нибудь эдакого – например, картошечки со шкварками или, на худой конец, перловки с тушенкой. Третьи сутки без еды – кишки сводит.

Зверев посмотрел вдаль, туда, куда два часа назад ушли Шпагин и Кичигин. Мрачные осины стояли столбами, облепленные голыми ветками кустов. Со стороны, откуда они пришли, пахло гарью, доносившееся со стороны реки воронье карканье не сулило ничего хорошего.

– От голода еще никто не обгадился, – хмуро процедил Зверев. – А вот если на немецкие разьезды нарвемся, накормят нас уже не перловкой, а кашей свинцовой. Нужно наших дожидаться, убедиться, что чисто впереди, а уж потом на лед выходить. Туман еще часа два не спадет, так что время есть.

Зверев рефлекторно пригнулся, потому что над рекой взвилась ракета, слышались короткие очереди, где-то неподалеку прогремел взрыв... потом еще один.

– Твою ж маму, – воскликнул Зверев. – Это ж наши шумят, больше некому.

– Прав ты был, взводный, влипли наши дозорные! Хорошо еще, что мы не засветились, – продолжил беседу Луковицкий.

– Так мы что же... к ним на помощь не идем? – взволнованно выкрикнул Злобин.

– Много ты им поможешь, – проговорил Зверев. – Там уже вовсю бой идет. Пока мы до ребят доберемся, их уже кончат десять раз. Сунемся туда, только себя и пленного засветим, а нам прежде всего задачу выполнить нужно.

Со стороны реки снова застрекотали автоматные очереди.

– Это Шпагин шурует, – предположил Луковицкий. – Слышишь, удаляется шум. Молодец, это он немцев от нас уводит.

Зверев закусил губу и перевел взгляд на пленного немца. Тот вслушивался в доносившиеся издали звуки, вытягивал шею и теребил лацкан своей перепачканной шинели.

Спустя какое-то время выстрелы прекратились. Зверев сорвал с себя шапку и вытер ею вспотевший лоб.

– Думаете, им конец? – по-детски наивно проверещал Злобин.

– А я почему знаю? – огрызнулся Зверев и вдруг услышал голоса.

Из кустов вдруг послышались звуки: треск веток, лязг затвора и голоса. Кто-то громко выкрикивал команды на немецком языке.

– Добегались! Вот такие тебе пирожки с котятами, – приглушенно заявил Луковицкий. – Немцы! Метров в пятидесяти, и, похоже, идут прямо на нас.

– Заткни ему рот и свяжи руки, – указав на пленного, прошептал Зверев. Вскоре его приказ был выполнен, и Зверев махнул рукой. – За мной!

Они быстро побежали, стараясь не поднимать шума, но промерзший валежник под ногами предательски хрустел. Неожиданно дорогу им преградил небольшой овраг, они стали в него спускаться, но пленный, руки которого были связаны, вдруг оступися и кубарем скатился вниз. Когда Зверев подскочил к немцу, тот лежал среди поваленных деревьев, его лицо было в крови. Пленный морщился, кричал и пытался избавиться от кляпа, который перед этим засунул ему в рот Злобин. Зверев схватил немца за грудки, поднял его на ноги, но тот захрипел, затрясся и снова рухнул на дно оврага.

– погоди, командир! – оттолкнув Зверева, со знанием дела заявил Луковицкий.

Он стянул с пленного сапог, снял носок и продемонстрировал товарищам опухающую ступню.

– Он не притворяется. У него закрытый перелом, в лучшем случае разрыв связки. Нога отекает на глазах, у него внутреннее кровотечение, так что идти дальше он не сможет.

Зверев обернулся, вдалеке все еще слышались звуки погони. Наверняка немцы нашли оставленные ими следы и сейчас ускоренно двигаются в их направлении.

– Что будем делать, командир? – спросил не на шутку взволнованный Злобин.

– Допросим его прямо здесь и кончим, – ответил вместо Зверева Луковицкий.

Павел Васильевич хмуро зыркнул на своего зама и вынул у пленного кляп изо рта.

– Hier musst du alle Schießstände deiner Einheit markieren ¹, – на ломаном немецком сказал Луковицкий, доставая из планшета карту района.

– Du bist dumm! Unsere kommen schon hierher und bald werden sie euch erwischen. Wenn ihr euch freiwillig aufgibt, garantiere ich euch, dass ich alles tun werde, um euer Leben zu retten ².

Пленный выпячивал грудь, старался казаться молодцом, но все прекрасно видели, что губы его трясутся.

– Что он там лопочет? – встрял в беседу Злобин.

– Не хочет говорить! Играет в героя! Но мы сейчас его разговорим, – сухо заявил Луковицкий, и в его глазах мелькнули недобрые огоньки.

Старший сержант снял с ремня флягу со спиртом и снова спросил:

¹ Ты должен отметить здесь все огневые точки вашего подразделения.

² Ты идиот! Наши уже идут сюда и скоро вас поймают. Если вы сдадитесь добровольно, гарантирую, что сделаю все, чтобы вам сохранили жизнь.

– Du willst also nicht reden, Schlampe! ³

– Nein! ⁴

– Ладно, раз говорить не хочешь, тогда придется выпить за нашу Победу! А ну, Ванька, помоги.

Луковицкий сунул Злобину флягу со спиртом, правой рукой ухватил связанного немца за подбородок, а левой вытащил из-за голенища нож. Немец начал дергаться, но Луковицкий в считанные секунды разжал рот пленника лезвием ножа. Из пораненных губ и десен хлынула кровь. Луковицкий снова провернул рукоять ножа и рявкнул Злобину:

– Лей!

– Чего лить-то? – опешил тот.

– Спирт лей, дурень!

– В рот?

– Нет, твою ж мать, – в задницу! Конечно, в рот! И не жалея, пусть хлебает, гаденыш!

Наконец-то поняв, что от него хотят, Злобин подхватил голову пленного немца и стал вливать ему в рот спирт. Немец начал хрипеть и извиваться, горло его обдало огнем, глаза покраснели и стали вываливаться из орбит. Он хрипел, кашлял, из ноздрей лились сопли вперемешку со спиртом. Тело бедолаги извивалось, как поджаренная на сковороде пиявка. Когда фляга опорожнилась как минимум наполовину, Луковицкий отвел руку Злобина. Немец еще с минуту продолжал хрипеть и дергаться.

Когда пленный немного пришел в себя, вдалеке снова слышались треск веток и голоса.

– Немцы совсем близко! – прошептал Ваня. – А что, если он заорет?

Луковицкий злобно ухмыльнулся.

– Если и заорет, то не особо громко. Ты ж ему всю гортань сжег. – И, уже обратившись к пленному, старший сержант проворковал нежно-нежно:

– Du hast auf unseren Sieg getrunken, und jetzt, wenn du nicht machst, was ich will, musst du auf den Genossen Stalin trinken! ⁵

Луковицкий вырвал из рук Злобина свою фляжку и поднес ее к лицу трясущегося немца.

– Bitte stoppt! Gebt mir eine Karte und ich werde alle Waffen anzeigen, die sich auf diesem Quadrat befinden ⁶, – просипел немец так тихо, что для того, чтобы услышать его ответ, Звереву пришлось снять шапку и пригнуться.

Спустя несколько минут пленный артиллерист химическим карандашом изрисовал всю карту, которую Луковицкий накануне достал из планшета Зверева. Когда нужные сведения были получены, Злобин спросил:

– Получается, что теперь остается только вернуться к своим и передать эту карту в штаб?

Луковицкий кивнул и посмотрел на Зверева.

– Ловко ты его! – усмехнулся Злобин. – Тогда давай поторопимся... Этот пусть тут остается! Свое дело он сделал, а со сломанной ногой мы его все равно бы не дотащили.

Злобин посмотрел на Зверева, тот кивнул:

– Пусть остается. Он свое дело сделал.

Глаза Луковицкого сверкнули неистовым блеском, его губы сжались в тонкую полоску, и он, точно мартовский кот, тихо проорчал:

– Хорошо. Пусть остается.

Никто не успел опомниться, как в левой руке старшего сержанта блеснуло лезвие армейского ножа. Немец дернулся, его рот приоткрылся, и он проблеял как козленок:

³ Значит, не хочешь говорить, сволочь!

⁴ Нет!

⁵ За нашу Победу ты выпил, а теперь, если не сделаешь то, что я хочу, придется выпить за товарища Сталина!

⁶ Пожалуйста, прекратите! Давайте карту, я укажу все артиллерийские установки, которые расположены в данном квадрате.

– Bitte, tötet mir nicht! Ich habe euch alles erzählt! Bitte, macht es nicht, ich habe eine kranke Mutter, sie hat niemanden außer mir! ⁷

– Мама, говоришь! Мама – это хорошо! Мама – это здорово! – с деланным сочувствием проворковал Луковицкий и с суровой педантичностью заправского мясника вогнал свой нож в правый бок своей уже успевшей расслабиться и ничего не подозревающей жертве. Когда тело перестало дергаться и затихло, старший сержант вытер окровавленный клинок о воротник уже бездыханного немца, ополоснул лезвие спиртом и убрал нож за голенище.

– Вот и все! – Луковицкий исподлобья посмотрел на Зверева, не скрывая торжествующей ухмылки. – Все как ты хотел, командир! Он остается, а мы уходим!

После этого Луковицкий снова вытащил носовой платок, налил на него спирта и тщательно протер платком руки. «Как это он умудряется в таких условиях иметь в запасе чистые тряпки?» – подумал Зверев и удивился сам себе, что так спокойно созерцал смерть пусть и врага, но все же живого человека. Тут же придя в себя и увидев, что Луковицкий бросил платок на землю, Зверев строго сказал:

– Следы оставляешь. Неправильно это. Подними.

Глаза старшего сержанта сверкнули гневом.

– Он уже не очень чистый, – Луковицкий вдавил в землю сапогом брошенный им платок и припорошил пожухлой травой. – Такой вариант тебя устроит?

Правая щека Зверева дернулась, но времени на пререкания у них не было.

– Устроит, – сухо сказал Зверев и быстрым шагом двинулся вдоль оврага.

– Тот рейд за линию фронта был последним нашим рейдом, в котором мы действовали в составе общей группы. Пленного мы не доставили, и, несмотря на то что полученные от пленного артиллериста сведения впоследствии подтвердились и наша авиация накрыла вражеский укрепрайон, наша вылазка вызвала некоторый интерес у особого отдела. Шпагин и Кичигин так и не вернулись с задания, а нас троих по очереди допросили. Мы рассказали, как было дело, и нас оставили в покое. Потом случилось ранение и госпиталь. Потом новое ранение и другой фронт... – Зверев прокашлялся, его щека теперь дергалась не переставая.

Когда Корнев в очередной раз предложил ему воды, Павел Васильевич выпил сразу целый стакан, потом налил второй и снова выпил.

– Да уж, интересный тип, – усмехнулся Корнев, когда Зверев поставил на стол стакан. – Но, в сущности, в том, о чем ты нам поведал, нет ничего особенного. Разведчик убил пленного врага, и что с того? Так ты говоришь, что этот твой чистюля замкомвзвода левша?

– Был левшой, – уточнил Зверев.

– Подожди...

– Он пропал без вести, когда наша одиннадцатая гвардейская штурмовала Пилáу.

– Тогда почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? Если я правильно понял, ты не так давно был уверен, что именно твой бывший замкомвзвода появился в наших краях и убил наших ребят.

Зверев задержал дыхание:

– Луковицкий погиб. Я это точно знаю.

– Ну, знаешь ли! Ты уж прости меня, Паша, но я не понимаю причину твоих волнений.

– Когда меня перевели из пехотного подразделения в роту разведки, Луковицкий уже служил там и числился одним из лучших бойцов, – продолжал Зверев. – Его побаивались. Скажу честно, даже я терялся в его присутствии, так как он обладал некой силой, от которой становилось жутко. Представь себе, что даже офицеры из особого отдела фронта, как правило, обходили его стороной! В разведроте его называли Хирургом, но я так и не понял, за что он

⁷ Пожалуйста, не убивайте! Я же все рассказал! Пожалуйста, не надо, у меня больная мама, у нее никого нет, кроме меня!

получил это прозвище. То ли за то, что любил все подряд стерилизовать, то ли за то, что с поразительной легкостью резал людей!

– Но он резал врагов...

– Я тоже убивал немцев, но я делал это не так, как это делал Луковицкий. Это трудно передать словами, но наш Хирург убивал не из тех же побуждений, что и мы. Он убивал потому, что получал от этого удовольствие.

– Возможно, он просто ненавидел фашистов, потому что потерял близких, – предположил Корнев.

Зверев покачал головой:

– Я точно знаю, что он не терял близких, по крайней мере в этой войне. Он из дворян, сын бывшего унтер-офицера, арестованного и расстрелянного в восемнадцатом. Мать тоже умерла еще в Гражданскую. Сам же Луковицкий воспитывался в детдоме. Насколько я знаю, после школы он учился на курсах комсостава РККА в Москве, но по неизвестной причине был с них отчислен. Как и когда он попал в разведку, я тоже не знаю, но знаю, что его считали настоящим асом своего дела.

Корнев нахмурился:

– Детдомовский, говоришь! Получал удовольствие от того, что убивал...

– Я просто уверен, что его отчислили с курсов именно из-за этого. Наверняка еще в детдоме он ломал крылья голубям и потрошил кошек.

– Все это понятно, но ты говоришь, что твой Хирург погиб. Значит, он не мог убить тех двух мальчишек на Гороховой.

– Хирург не мог, – согласился Зверев. – Если только...

– Если только он не восстал из мертвых! – вместо Зверева закончил реплику Костин.

Часть 2

Толик

Глава первая

Столовая авторемонтного завода, где обычно обедало большинство сотрудников, располагалась в пяти минутах ходьбы от главного здания псковского Управления милиции. За последние пару лет территория, прилегающая к обозначенному заведению общепита, сильно изменилась, причем в лучшую сторону. Мусорные баки, когда-то стоявшие в десятке шагов от столовой и которые не опорожнялись неделями, куда-то исчезли. Теперь ежедневно приезжала мусорная машина, и специально выделенные работники постоянно следили за чистотой и порядком. Новые порядки, безусловно, радовали окружающий контингент, исключение составляли разве что некогда шныряющие здесь и подъедающие отбросы местные дворняги, которые, ввиду указанных нововведений, со временем тоже куда-то исчезли вслед за мусорными баками. Продуктовые карточки и талоны на питание давно отменили, а цены в столовой были умеренные и, как говорится, нисколько не кусались. Изменилась и сама столовая, в особенности интерьер. Неказистую и громоздкую убогую мебель заменили на новую, столы покрыли чистыми скатертями, на окна повесили желтые бархатные шторы, а стены выкрасили в приятный васильковый цвет. Неизменным остался только громоздкий бюст Ленина, стоявший у задней стены.

Данное преобразование заведения местного общепита, естественно, не могло не повлиять на количество желающих его посещать, поэтому и сегодня в полуденное время здесь собралось много народу. После совещания, покинув кабинет руководителя, изрядно проголодавшиеся Зверев и Костин зашли в столовую и очутились в хвосте длинной очереди, по ходу выглядывая, не освободится ли местечко, куда можно присесть. Отстояв очередь и наполнив подносы тарелками с едой, оперативники расплатились на кассе и только сейчас увидели сидевшего в дальнем ряду столиков у стены Кравцова, возле которого как раз освободились два стула. Подойдя к столику, Павел Васильевич и его неизменный помощник без церемоний заняли свободные места и набросились на еду.

Кравцов, который, по всей видимости, не особо обрадовался новым соседям, поначалу тоже не говорил ни слова и с хмурым видом поедая свой антрекот. За пару минут Веня съел порцию борща, так же быстро справился с тефтелями и, уже не спеша приступив к компоту, наконец-то нарушил молчание:

– Я вижу, Виктор Константинович, ты все еще дуешься на меня. Давай уже завязывай. Спасибо тебе, кстати, что ты Корневу на меня не наступал.

Кравцов поперхнулся и отложил вилку.

– Ты это о чем?

– Как это о чем? Я же вчера на дежурство опоздал едва ли не на полдня, а ты меня не выдал!

– Ах вон оно что! Да я за это время так умаялся, что уже и думать забыл про твое опоздание. К тому же Звереву, как видишь, я сообщил.

– Василичу можно. Василич – не в счет, – ухмыльнулся Веня,ковыряя вилкой в стакане и стараясь вытащить из него абрикос.

– Борзеешь, малявка! То есть выходит, что я для тебя не начальник! Корнева, значит, ты боишься, а меня нет? – делано строго заявил Зверев. – А ты, в самом деле, чего это опоздал? Раз уж рот открыл, давай оправдывайся.

Костин наконец-то выковырял из абрикоса косточку, съел сам абрикос и, откинувшись назад, погладил себя по животу.

– Катюха у меня в командировку умотала. В Ленинград ей понадобилось, а я ее провожать пошел, а тут, такое дело, встретил на вокзале двух довольно интересных пассажиров, прибывших с московским поездом, – начал Веня, намазывая на оставшийся у него кусок хлеба горчицу.

– И чем же это они так интересны?

– А тем, что оба этих типа определенно приехали в наш город неспроста. Приехали они из Москвы, на одном поезде, вот только в разных вагонах.

Веня откусил кусок от своего незатейливого бутерброда и поморщился.

– Куда столько горчицы намазал, язву хочешь заработать? – усмехнулся Зверев. – Хватит жевать, говори о чем хотел!

– Первого из встреченных мной персонажей зовут Зося Вуйчик – довольно известный тип этот Зося, скажу я вам. Второго зовут Эдуард Сомов, и его в определенных кругах тоже многие знают. Знают под именем Эдичка. Да-да... просто Эдичка.

– Не знаю ни того, ни другого, – Зверев, не проявляя особого интереса к рассказу Костина, продолжал жевать свой бифштекс.

– Оно и не удивительно, так как ты не особо сведущ в карточных махинациях и не знаешь самих махинаторов. Эти двое – и Эдичка, и Зося – профессиональные игроки, а если говорить уж совсем откровенно – шулеры.

– Нам сейчас только шулеров не хватает! – заявил Кравцов. – У нас, между прочим, два нераскрытых убийства, а он тут нам про шулеров чешет. Пусть ими ОБХСС занимается, а мне до твоих игроков дела нет. Это с вас Корнев только за убийства мальчишек спросит, а у меня помимо этого преступления еще дел целый воз! Вот полюбуйся! – Кравцов бросил на край стола стоявший в его ногах портфель, открыл его и продемонстрировал собеседникам несколько папок с документами. – Сегодня вот как раз перед совещанием еще и кладбищенское дело подкинули!

– Что за дело? – впервые оживившись, поинтересовался Зверев.

– Кто-то могилу раскопал и покойника из гроба вытащил! Бывают же такие сволочи, а покойник-то бывший фронтовик... инвалид!

Зверев тут же вспомнил свой недавний визит на кладбище: нагловатого сторожа, не желавшего повторно зарывать мертвеца, раскуроченную могилу и скрюченное тело однорукого мертвеца.

– Да уж, поганое дело, ничего не скажешь, – Зверев поморщился. – Умеешь ты, Витя, аппетит испортить. Я ведь твоего покойника воочию видел – картина не из приятных.

– Когда это ты моего покойника видел?

– Заезжал утром на Мироносицкое кладбище и лично лицезрел то, что там эти варвары натворили.

– Причем здесь Мироносицкое, на Алексеевском дело было!

– Путаешь ты что-то, Виктор Константинович, это на Мироносицком покойника откопали!

– А я тебе говорю – на Алексеевском! Вот, – Кравцов открыл папку с делом и сунул в руки Звереву листок, – будешь ты еще со мной спорить! Вот протокол осмотра места происшествия, я сам туда не выезжал, но с документами по делу, уж извини, ознакомиться успел.

Зверев внимательно прочел протокол и вернул его Кравцову, тот хмыкнул:

– Ну что, больше не будешь со мной спорить?

Зверев нахмурился и отложил вилку.

– Вот так дела! Что же получается? Что не на одном, а сразу на двух кладбищах над могилами надругались! Слово тебе даю, что на Мироносицком на днях тоже покойника выкопали.

Костин и Кравцов переглянулись.

– А почему же тогда я про второго покойника ничего не знаю? – с недоверием поинтересовался Кравцов.

– Это потому что Мироносицкое на Коммунальной находится, а этим районом местное РОВД занимается. Вот данные до нас и не доходят. Только то, что там тоже покойника откопали, – это факт.

Зверев вытер руки салфеткой, взял у Кравцова папку и стал пролистывать документы.

– Гордиенко Кузьма Иванович, уроженец Харьковской области... девятьсот третьего года рождения... воевал на Западном... награжден... инвалид войны... Погоди-ка... – Зверев нахмурился. – Это что еще за чертовщина?

Костин и Кравцов переглянулись.

– И что там? – поинтересовался Веня.

– Погоди! Так...

Зверев нахмурился еще сильнее, отложил протокол осмотра места происшествия и бегло ознакомился с остальными имеющимися в папке документами.

– Гордиенко Кузьма Иванович в боях под Варшавой в сорок четвертом был ранен и комиссован по ранению. Нет, мои дорогие!!! Такие совпадения просто так не случаются.

– Что еще за совпадения? – продолжал допытываться Кравцов.

– Так, друг мой Вениамин, доедай свою горчицу и дуй в Завеличье, в местное РОВД. Что хочешь делай, но добудь мне все данные о нашем втором покойнике.

– О том самом, которого ты на Мироносицком лицезрел? – уточнил Веня. – Я, конечно, съезжу, какой разговор. Вот только ничего, что я после дежурства?

Веня, уже и так огорченный тем, что его новость о приезде в город двух матерых аферистов не вызвала у собеседников никакой реакции, расстроился еще сильнее от того, что теперь ему придется еще несколько часов потратить на бумажную работу. Зверев, обратив внимание на суксившуюся физиономию Вени, тем не менее продолжал:

– Ничего, не развалишься! Уж больно странная история у нас вырисовывается.

– И чего ж тут странного? – поинтересовался Кравцов.

– А то, что оба покойника, могилы которых были разрыты, имели одну и ту же особенность.

– Какую?

– При жизни они были калеками! А если говорить точнее – на момент захоронения и у одного, и у другого покойника не доставало правой руки!

Глава вторая

Посещение районного отделения милиции заняло у Костина не более получаса. Приветливая зеленоглазая девушка-следователь с вздернутым носиком и пухлыми губами, оценив улыбку Вени и увидев удостоверение сотрудника вышестоящего ведомства, тут же выделила молодому представителю управления рабочий стол и предоставила все материалы дела об осквернении могилы гражданина Шубина Федота Евгеньевича. Оценив гостеприимство хозяйки кабинета, Веня хотел было немного пококетничать с девушкой, но, вспомнив о Кате, подавил в себе это желание и принялся за работу. Когда Веня изучил дело и сделал необходимые выписки, он все же еще раз одарил красавицу своей самой милой улыбкой и удалился восвояси.

Из материалов дела следовало, что уроженец деревни Мостище Себежского района Псковской области Шубин Федот Евгеньевич девятистопятидесяти лет рождения был похоронен четыре дня назад на Мироносицком кладбище. Умер в результате кровоизлияния в мозг. То же, как и Гордиенко Кузьма Иванович, фронтовик, награжден двумя медалями. Даты осквернения обеих могил разнились на один день. Вот только, в отличие от Кузьмы Гордиенко, похороненного на Алексеевском кладбище, Федот Евгеньевич потерял руку уже после войны – в сорок шестом, после того как, изрядно злоупотребив алкоголем, всю ночь пролежал на снегу под кустом у местного шинка. Руку Федоту Шубину отняли хирурги межрайонной больницы. Жил Федот один, и хоронили его за счет военного комиссариата.

Таким образом, в обоих случаях, о которых стало известно псковским операм, совпадения просматривались лишь в том, что оба одоруких покойника были похоронены в течение последней недели; оба в прошлом успели повоевать и были примерно одного возраста. О чем все это говорило, пока сказать было сложно, но некая общая черта в обоих делах явно просматривалась.

Когда Веня вышел на улицу и двинулся в сторону автобусной остановки, он, несмотря на недавно съеденный обед в столовой авторемонтного завода, снова почувствовал желание заморить червячка. Поинтересовавшись у шагавшей навстречу девушки, где тут можно подкрепиться, Веня свернул на Коммунальную, прошел метров сто и собирался посетить чебуречную, которую ему порекомендовала случайно встретившаяся по дороге девушка. Однако, не дойдя нескольких метров до закусочной, он увидел возле нее крепкого вида мужчину и тут же нырнул в густые заросли акации.

Молодой человек, привлечший внимание Вени и заставивший его спрятаться в кустах, вразвалочку вышел из чебуречной, подошел к урне и закурил. Это был среднего роста здоровяк с короткой стрижкой, двойным подбородком и весьма внушительным брюшком. Одет он был в бело-синюю ковбойку и вельветовые брюки, несмотря на грузность и некоторую неуклюжесть, мужчина в ковбойке выглядел весьма опрятно, одежда на нем тоже смотрелась неплохо. «Еще один, – прошептал сквозь зубы Веня. – Вуйчик, Сомов, а теперь еще и Митя... Третьего шулера в городе встречаю за два дня – это ли не перебор?»

Незнакомца звали Дмитрий Резванов. Он, так же как и Веня, был родом из Керчи и некогда знал с легендарным Лешей Рентгеном, а также являлся одним из его учеников. Однако, в отличие от Вени, после ареста и смерти Леша Рентгена Дмитрий, заслуженно получивший в карточной среде прозвище Митя Регуляр⁸, в те годы продолжил свою деятельность и благодаря своему мастерству имел неплохой доход. В эту минуту Веня даже не сомневался, что, если в городе назревает большая игра, Митя Регуляр ее уж наверняка не пропустит.

⁸ Регуляр (покерн. сленг) – игрок, который зарабатывает покером на жизнь, регулярно выигрывая в покер.

Когда спустя полминуты вслед за Митей из чебуречной вышла женщина в белой блузке и юбке в горошек, Веня поначалу не обратил на нее внимания. Однако, когда женщина приблизилась к Мите Регуляру и стала о чем-то его отчитывать, Веня подался вперед.

– Ну сколько можно? Как мне все это надоело! – выкрикивала женщина визгливым голоском. – Ты куришь перед едой! Ты куришь после еды! Дома, когда ты ешь, ты тоже куришь! Как ты не понимаешь, ты ведь так угробишь себя. Сейчас же выбрось свою ужасную папиросу и пойдем отсюда.

Теперь Веня более пристально посмотрел на спутницу Мити. Лет тридцати трех, не красавица, зато фигурка – просто блеск! Рыжая, косметикой и не пользуется, родинка на щеке величиной с вишенку. Неужели жена?..

Митя поспешно выбросил в урну папиросу и двинулся к пешеходному переходу. Женщина с родинкой тут же взяла Митю под руку и энергично застучала каблукками. Ни секунды не раздумывая, Веня устремился за удаляющейся парочкой.

Митя и его спутница свернули с тротуара в сторону, а Веня бегом срезал путь через пустырь и укрылся возле арки старого пятиэтажного дома из красного кирпича. Когда объекты его слезки вошли в арку, Веня вышел из своего укрытия и преградил им путь.

– Секундочку, граждане! Есть до вас разговор! – широко расставив ноги и засунув руки в карманы брюк, прохрипел Веня.

Парочка остановилась. Женщина вздрогнула и прижалась к Мите, тот тоже казался испуганным.

– В чем, собственно, дело? – проговорил Митя своим басистым голосом.

Веню распирали смех, почему все постоянно принимают его за бандита? Митя определенно его не узнал, и Веня тут же решил этим воспользоваться. Пугаясь, люди обычно быстро рассказывают все самое интересное. Поняв, что мимо так внезапно появившегося на их пути Вени им не пройти, женщина потянула Митю назад:

– Не подходите к нам... Что вам нужно?

– Повторюсь, я желаю просто пообщаться. Надеюсь, вы не против, мадам?

– Я вам никакая не мадам! Мы пока что еще не женаты!

– Эге-гей... вот так дела! А впрочем... Здравствуй, Регуляр! Или не признал?

Митя всполошился еще больше, но потом подался вперед и облегченно вздохнул.

– Венька? Ты?..

Веня тут же насупился:

– Не Венька, а Вениамин... для тебя вообще-то Вениамин Петрович!

– Кто это? – все еще тревожным голосом спросила рыжеволосая спутница Мити. – И почему он тебя так назвал? Регуляр?.. Это что еще такое?

– Утомонись, Зинуля, это мой старый приятель Вениамин, а почему он так меня называет, я тебе дома расскажу.

Митя стряхнул с себя руку рыжеволосой, шагнул к Вени и протянул ему руку, но Веня не шелохнулся.

– Не хочешь ручкаться? Ну да... ну конечно... Я ведь теперь не ваш – масть сменил и теперь словно порченный стал! Ну и черт с вами со всеми... – насупился Митя, повернулся к женщине. – Ступай, Зинаида, домой, мне с моим бывшим приятелем потолковать нужно.

– Никуда я тебя не пущу с этим бандитом! – женщина шагнула вперед, закрыв собой Митю, и скорчила злую гримасу. – Уходите, а то я милицию позову!

Веня рассмеялся и, решив наконец-то раскрыться, предъявил удостоверение.

– Не стоит звать милицию, потому что она уже здесь!

– Что ты там мне суешь? Я же тебя насквозь вижу...

Митя не дал женщине договорить.

– Погоди... так ты что теперь... – Он отодвинул свою спутницу в сторону и принялся изучать удостоверение Костина. – Оперуполномоченный оперативного отдела... Старший лейтенант милиции... глазам своим не верю!

Веня расправил плечи и тут же наморщил лоб.

– Погоди-ка! Что ты тут сейчас наговорил? Ты завязал? В самом деле, больше не катаешь?

Митя рассмеялся, сделал несколько пасов руками и вдруг вытащил из-за уха Вени бубнового туза, потом сделал еще пас, туз превратился в даму.

– Не катаю, но с картами так и не расстался. Знаешь, кто я теперь? Ни за что не угадаешь.

– Отвечай уже, не томи.

– Я теперь фокусником работаю в местном цирке! А это Зинаида, невеста моя, у нас на следующей неделе свадьба.

Веня нахмурился, охваченный сомнением.

– Погоди! А как же большая игра? Я же вчера в городе самого Вуйчика видел, а еще Эдичка Сомов в городе нарисовался. Ты разве в Псков не на игру приехал?

– Откуда я должен был, по-твоему, приехать?

– Как откуда? Из Керчи!

– И когда же, по-твоему, я из Керчи приехал?

– Ну... вчера, позавчера, одним словом, на днях!

Митя подошел к Вене и похлопал парня по плечу.

– Да нет, дружок, я не приехал на днях из Керчи, потому как живу в Пскове уже два года, и у меня псковская прописка. Не веришь? Могу паспорт показать!

Веню все еще терзали сомнения, но требовать у Мити паспорт он не стал.

– Хорошо. Ты у нас теперь местный, с этим делом разобрались. А что тогда, по-твоему, Зося с Эдичкой в городе делают?

Митя поджал губы, потом обернулся к Зиночке и ровным голосом шепнул ей на ушко:

– Ступай домой, Зинуля! Этот человек для меня не опасен. К тому же он, по всей видимости, и в самом деле милиционер. Иди до дома, лада моя, я тебе дома все расскажу, а сейчас нам с Вениамином потолковать нужно.

Зинуля еще какое-то время повозмущалась, а потом махнула рукой и удалилась, потребовав на прощание, чтобы Митя поменьше курил. Когда женщина исчезла из виду, Митя оскалится:

– Тут рядом барчик один имеется, там раков вареных подают, и пиво у них всегда холодное. Пойдем, старый друг, я тебе там все и растолкую: и про большую игру, и про Вуйчика с Сомовым, да и про остальных тоже.

Веня почесал подбородок. Неужели и впрямь Митя что-то знает и хочет ему что-то интересное рассказать. Подумать только: он так же, как и я, покончил с криминальным прошлым, так же, как и я, нашел работу и даже собирается жениться – так же, как и я. Да что ж это такое? Старым другом меня назвал, а я, гад такой, ему даже руки не пожал... Мысленно отругав себя за свой не самый лучший в жизни поступок, Веня зашагал вслед за уже ковылявшим вразвалочку Митей.

Глава третья

Отправив Веню разбираться со второй разрытой могилой, Зверев тоже не сидел сложа руки. Невзирая на то что теперь он стал начальником отдела, привычка вникать в детали и общаться со свидетелями лично заставила его усадить двоих своих оперов, Евсеева с Гороховым, за отчеты и направиться в среднюю школу номер семь, где учились покойные Чижов и Хлебников. Добравшись до нужного места на автобусе, Зверев осмотрел округу.

Трехэтажное из красного кирпича здание школы было огорожено металлическим забором. К нему прилегала спортплощадка. Перед школой располагался поросший стриженным кустарником дворик, в центре которого бил небольшой фонтан; по бокам от главного входа в здание на гипсовых тумбах стояли фигуры мальчика и девочки, так же сделанные из гипса, – мальчик дул в горн, девочка держала над головой голубя. На шеях у обеих фигурок были повязаны пионерские галстуки. Зверев сглотнул, достал из кармана сигареты и, вдруг вспомнив, где находится, поспешно убрал пачку в карман. Павел Васильевич поднял голову, и на его лице мелькнула улыбка. Из одного из окон второго этажа на Зверева смотрел человеческий скелет. На голове у костяной фигуры красовалась широкополая шляпа, шею скелета повязывал красный шерстяной шарф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.